101/8 16J

Г918
101

ПОДВИГИ
РУССКИХЪ МОРЯКОВЪ.

Составилъ **В. Шульцъ.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1853.

157/92/71
Г91 8/101

ПОДВИГИ

РУССКИХЪ МОРЯКОВЪ.

Г91 8/101

ПОДВИГИ

РУССКИХЪ МОРЯКОВЪ.

Составилъ В. Шульцъ.

Издано

Морскимъ Ученымъ Комитетомъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ МОРСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1853.

32144

12-II-1925

32144
12-II-1925.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

НИКОЛАЮ КОНСТАНТИНОВИЧУ.

Всепреданнѣйше приноситъ

Лейтенантъ Василій ШУЛЬЦЪ.

Отдавая на судъ читателей составленное мною описаніе «Подвиговъ Русскихъ Моряковъ,» смѣю надѣяться, что оно будетъ принято благосклонно, и что мнѣ простятъ слабыя стороны этой книги, имѣющей цѣлью познакомить нашу публику съ людьми, прославившими имя русскаго моряка.

Кому не извѣстны подвиги нашихъ войскъ, кто не читалъ жизнеописаній государственныхъ людей Россіи и знаменитостей нашей литературы? А подвиги моряковъ извѣстны только весьма ограниченному кругу читателей. Объ этихъ подвигахъ печатано очень мало, болѣе въ періодическихъ изданіяхъ и все это терялось изъ виду и забывалось. Кто не знакомъ съ Россомъ и Франклиномъ?

А знаетъ ли кто о судьбѣ, постигшей двухъ нашихъ офицеровъ, послѣ безпрерывныхъ трудовъ, въ продолжительныхъ сѣверныхъ экспедиціяхъ? Очень не многіе.

Ознакомившись съ безсмертными именами, украсившими списокъ русскихъ моряковъ, я составилъ нѣсколько предлагаемыхъ здѣсь біографій славныхъ офицеровъ русскаго флота, и если первый опытъ этотъ будетъ принятъ публикою благосклонно, то пріятнымъ долгомъ почту для себя познакомить читателей со всѣми знаменитостями нашего флота, такъ мало еще извѣстными.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ОБЪ ОСНОВАНІИ

РУССКАГО ФЛОТА.

Русскій флотъ еще не существовалъ, когда уже давно носились по морямъ корабли: англійскіе, голландскіе, французскіе и другіе. Но Великій Преобразователь Россіи повелѣлъ и—явился флотъ, явились моряки, и вскорѣ море огласилось громомъ русскихъ орудій, и побѣжденные на моряхъ противники Россіи уже страшились могущества и силы, воз-

рождавшагося богатыря—русскаго флота. Шведы очень скоро узнали, что́ Русскій Царь можетъ сдѣлать въ своемъ Русскомъ Царствѣ. Прошло немного времени по основаніи флота, и онъ одержалъ уже нѣсколько побѣдъ. Черезъ полвѣка послѣ смерти Великаго Петра, явился и другой флотъ на водахъ Чернаго моря, хотя и прежде появлялись тамъ наши суда. Теперь русскій флагъ развѣвается на моряхъ: Бѣломъ, Балтійскомъ, Черномъ, Каспійскомъ, Охотскомъ и на Тихомъ океанѣ, и охраняетъ могучее Русское Царство.

Русскіе моряки совершили въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, около пятидесяти путешествій вокругъ свѣта; открыли многіе острова и нѣкоторые даже за полярными кругами; въ лѣтописяхъ военной исторіи флота, начертаны славные имена: Гангэуддъ, Чесьма, Гогландъ, Ревель, Выборгъ, Аѳонская гора, Анапа, Наваринъ и другіе, прославившіе русское морское оружіе.

Пишутъ будто Петръ въ отрочествѣ

своемъ, чувствовалъ какое-то непреодолимое отвращеніе и страхъ противъ воды; но такъ, или иначе, а мы видимъ отрока и юношу Петра созидающимъ флотъ. Весною 1688 года, случайно нашли въ селѣ Измайловѣ ботикъ, привезенный въ Россію изъ Англіи при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ. Петръ приказалъ его вытащить и починить, а для того сыскать мастера. Нашли Голландца Карштена Брандта, который еще при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ участвовалъ, подъ надзоромъ голландскаго капитана Бутлера, въ постройкѣ корабля *Орелъ*, сожженаго на Волгѣ, разбойникомъ Стенькою Разинымъ въ 1670 году. Брандтъ починилъ ботикъ, который былъ названъ въ послѣдствіи, именно въ 1725 году, самимъ Императоромъ, *Дѣдушкою русскаго флота*, и который хранится еще до сихъ поръ въ Петропавловской крѣпости.

Петръ катался на ботикѣ по Яузѣ, но въ рѣкѣ Ему было тѣсно, и Онъ рѣшился перенести свои морскія потѣхи

на Переяславское озеро; тамъ были выстроены Петромъ первыя русскія суда. Брандтъ, которому поручены были работы, построилъ подъ надзоромъ самого Царя, два малые фрегата и три яхты. 1-го мая 1690 года, суда были готовы и спущены на воду. Въ память этого событія на берегахъ озера, Петру Великому воздвигнутъ въ 1852 году памятникъ.

Но «Дѣдушка русскаго флота» не былъ забытъ; въ 1723 году ботикъ обошелъ флотъ, стоявшій на Кронштатскомъ рейдѣ; въ 1836 году, іюля 3-го, онъ вторично объѣхалъ своихъ внучатъ на Кронштатскомъ же рейдѣ, во время Высочайшаго смотра, произведеннаго Его Императорскимъ Величествомъ Николаемъ Павловичемъ, всему Балтійскому флоту. Итакъ маленькій ботикъ послужилъ основаніемъ русскому флоту.

Желая создать флотъ, Петръ хотѣлъ прежде все узнать Самъ, чтобы послѣ лично руководить своихъ подданныхъ. Для того Онъ отправился въ Голландію,

гдѣ въ мѣстечкѣ Саардамѣ, не подалеку отъ Амстердама, Самъ работалъ и учился плотничному и корабельному мастерствамъ. Великій Государь подъ скромнымъ названіемъ корабельнаго плотника «Петра Михайлова,» съ топоромъ въ рукахъ, въ бострокѣ или буршлатѣ, ходилъ работать на корабельную верфь. До сихъ поръ еще сохраняется тотъ домикъ, гдѣ жилъ нашъ Великій Монархъ, во время своего пребыванія въ Саандамѣ. Вдовствующая Королева Нидерландская Анна Павловна, для сохраненія этого домика, столь драгоцѣннаго всякому Русскому, приказала построить около него каменное зданіе, защищающее его отъ вліянія погоды.

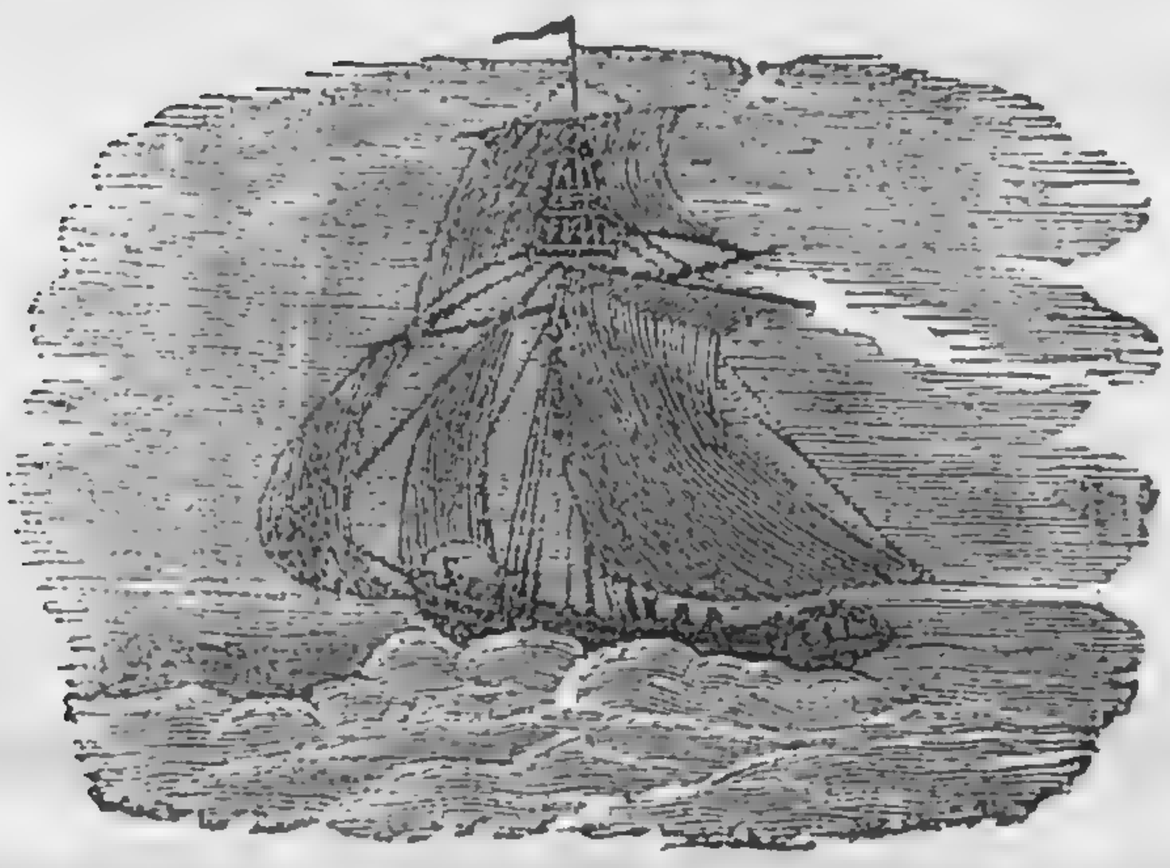
Въ путешествіе свое за границею, Петръ осматривалъ верфи и адмиралтейства въ Англіи и Голландіи, и съ богатыми свѣденіями возвратился въ Россію и сталъ учить своихъ подданныхъ тому, чему Самъ хорошо выучился у чужестранцевъ. Въ помощь себѣ онъ вызвалъ многихъ Англичанъ и Гол-

ландцевъ, которые поступили въ царскую службу.

Все пришло въ движеніе: въ Кронштатѣ, Ревелѣ и Балтійскомъ портѣ начали строить гавани; въ С. Петербургѣ—адмиралтейство. Суда строились въ Архангельскѣ, Воронежѣ, Петербургѣ и Казани, и всюду глазъ Великаго, наблюдалъ за всемъ; ничего не дѣлалось безъ Него, Онъ все хотѣлъ Самъ знать и всемъ распоряжался лично. Часто говорилъ Онъ: «сіе дѣло необходимо нужно есть, по оной пословицѣ: что всякій потентатъ (т. е. владѣтель, Государь), который едино войско сухопутное имѣетъ, одну руку имѣетъ; который и флотъ имѣетъ, обѣ руки имѣетъ.»

Строились суда и формировались экипажи; наконецъ флотъ былъ готовъ и сталъ ходить въ море, предводительствуемый самимъ Царемъ. И что же? Этотъ новорожденный флотъ въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ себя прославить многими побѣдами надъ непріятелями, и въ числѣ моряковъ были такіе, которыхъ име-

на съ гордостію передаются отъ поко-лѣнія поколѣнію. Теперь Россія стоитъ на ряду съ первостепенными морскими державами.



БОМБАРДИРСКІЙ КАПИТАНЪ

ПЕТРЪ (*).

Приступая къ описанію цѣлаго ряда подвиговъ, совершенныхъ русскими моряками, начну съ того, гдѣ Вѣнценосный морякъ, Самъ предводительствуя горстію Русскихъ, покрылъ себя неувядаемою славою. И точно, взятіе двухъ шведскихъ военныхъ судовъ: *Астрель* и *Ге-*

(*) Изъ журнала Петра Великаго и изъ Списка судамъ всего Россійскаго флота соч. Адмирала Шишкова.

данъ, есть одинъ изъ славнѣйшихъ эпизодовъ исторіи нашего флота.

2-го мая 1703 года, Русскими войсками, подъ предводительствомъ фельдмаршала Шереметева, взята была крѣпость *Канецъ* или *Нишанцъ*. Вечеромъ того же дня, часовые, расположенные по берегамъ рѣки Невы, извѣстили главнокомандующаго о приходѣ на взморье непріятельской эскадры. Фельдмаршалъ, желая задержать шведскаго адмирала и оставить его въ невѣденіи о побѣдѣ нашей, приказалъ держать на крѣпости шведскій флагъ и палить изъ пушекъ шведскій лозунгъ: по два выстрѣла утромъ и вечеромъ. Хитрость удалась. шведскій вице-адмиралъ Нумберсъ, разсчитывая, что крѣпость Нишанцъ еще въ рукахъ его соотечественниковъ, довѣрчиво оставался за баромъ, и два судна, отдѣлясь отъ эскадры, вошли въ устье рѣки Невы.

Между тѣмъ фельдмаршалъ приказалъ изготовить гребную флотилію, и 6-го мая поручилъ тридцать лодокъ капитану

отъ бомбардировъ т. е. Самому Государю, и поручику Меншикову (князю Александру Даниловичу, понеже инъихъ на морѣ знающихъ никого не было), съ отрядомъ солдатъ гвардіи и другихъ полковъ, для нападенія на непріятельскія суда.

Вечеромъ 6-го мая, лодки, такъ какъ ночь была довольно свѣтла, скрылись за островомъ, противъ Калишкиной деревни; 7-го числа, передъ самымъ разсвѣтомъ, пользуясь темнотою отъ нашедшихъ тучь и при сильномъ дождѣ, лодки раздѣлились на два отряда; первый пошелъ вдоль Васильевскаго острова, чтобы напасть со стороны моря; другой отрядъ пошелъ прямо по рѣкѣ.

Шведскія суда, которыми русскія лодки намѣревались овладѣть, были: десяти-пушечная шнява *Астрель* (1), и восьми пушечный ботъ *Гедапъ;* лодки смѣло двинулись впередъ и бросились на непріятельскія суда. Подвигъ почти безпримѣрный, подвигъ геройскій--напасть, съ ружьями и ручными гранатами, на

суда вооруженныя восемнадцатью пушками 3-хъ фунтоваго калибра. Но не взирая на это неравенство силъ и вооруженія, на сильную пушечную и ружейную пальбу, и на отчаянную защиту непріятеля, суда были взяты.

Петръ — впереди всѣхъ, съ крикомъ ура! Силенъ Богъ Русскихъ! первымъ бросился на непріятельскую шняву *Астрель*, съ гранатою въ рукахъ. Сподвижники Царя дѣлали чудеса храбрости; изъ семидесяти семи Шведовъ, находившихся на судахъ, шестьдесятъ было положено на мѣстѣ, остальные взяты въ плѣнъ.

8-го мая оба судна приведены были къ лагерю фельдмаршала. По опросѣ плѣнныхъ, оказалось, что они были посланы съ письмами къ коменданту Нишанца, полковнику Опалеву.

За храбрость и неустрашимость, показанную въ этомъ дѣлѣ, фельдмаршалъ возложилъ на Государя орденъ Святаго Андрея Первозваннаго.

Поручикъ Меншиковъ и постельничій

Головкинъ получили тотъ же орденъ, возложенный на нихъ адмираломъ графомъ Головинымъ.

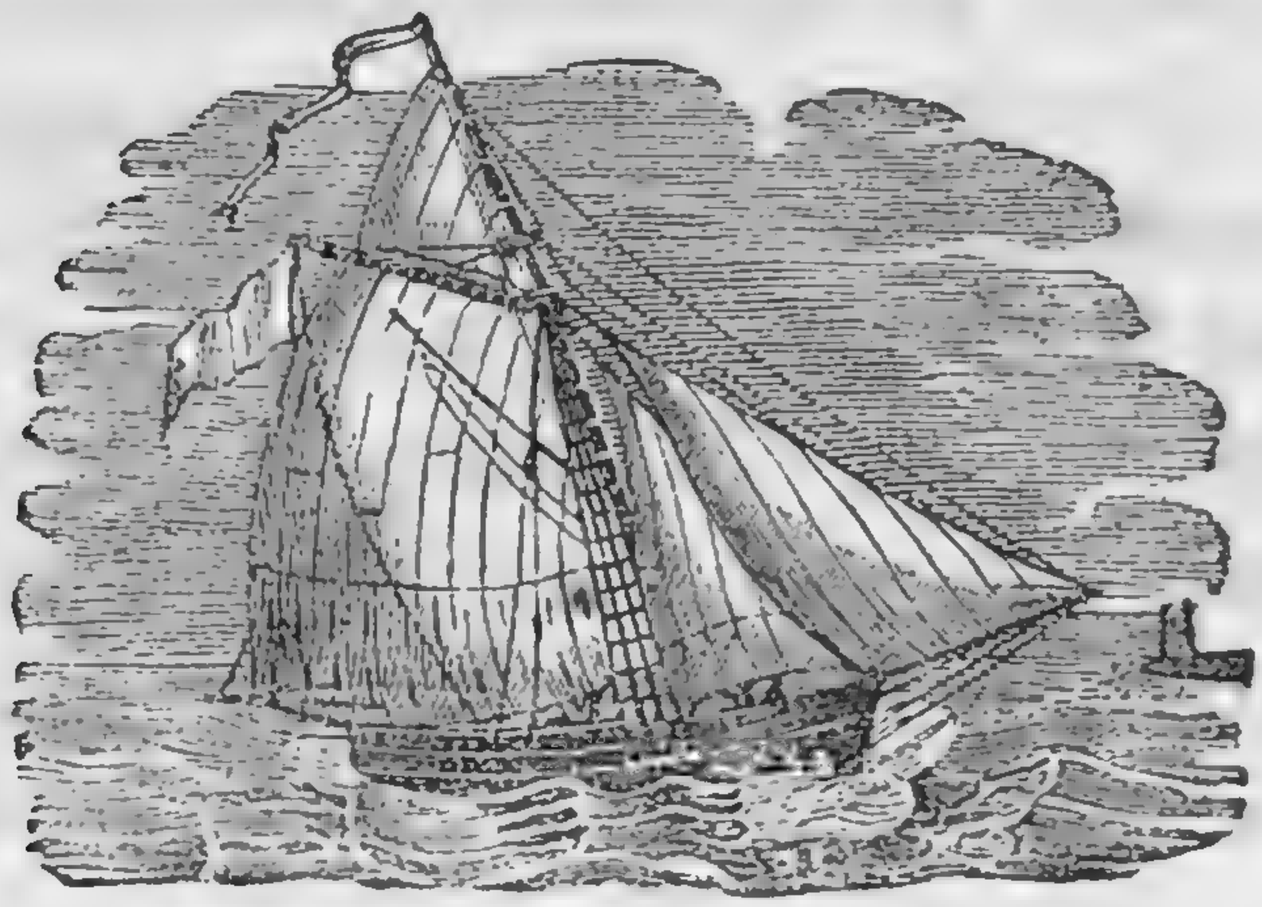
По случаю этого славнаго дѣла выбита была медаль, съ изображеніемъ самаго сраженія, а въ облакахъ рука держащая корону и пальмовую вѣтвь, съ надписью: *небываемое бываетъ*; 1703 годъ.

Вотъ что Самъ Государь писалъ объ этомъ дѣлѣ, графу Апраксину: (*)

«Извѣствую Вашей милости, что сего «числа въ 5 часу пришла на устье Не- «вы непріятельская эскадра, подъ пра- «вленіемъ Вице-Адмирала Господина «Нумберса, о чемъ увѣдавъ Нашъ Го- «сподинъ Фельдмаршалъ послалъ насъ «въ 30 лодкахъ; и мы пришедъ къ устью, «гораздо осмотрѣли непріятеля, и по на- «рочитомъ бою, взяли два фрегата: одинъ «*Гедань* о десяти, а другой *Астрель* о «восьми пушкахъ, а оконъ 14; понеже «непріятели пардонъ зѣло поздно зак-

(*) Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго.

«ричали, того для солдатъ унять было
«трудно, которые ворвався, едва не всѣхъ
«покололи; только остались 13 живыхъ.
«Смѣю и то писать, что истинно съ во-
«семь лодокъ только въ самомъ дѣлѣ бы-
«ло; и сею никогда не бывалою викто-
«ріею вашу милость поздравя, пребы-
«ваю.» Подъ рескриптомъ приписано:
«хотя и не достойны, однакожъ отъ Го-
«сподъ Фельдмаршала и Адмирала Мы
«съ господиномъ Поручикомъ учинены
«кавалерами Святаго Андрея.»



САКЕНЪ (*).

Въ августѣ 1787 года, Турки нарушили миръ съ Россіею и открыли военныя дѣйствія внезапнымъ нападеніемъ на стоявшія противъ Очакова, по южную сторону Кинбурнской косы, русскія суда: фрегатъ (2) *Скорый* и лоцботъ (3) *Битюгъ*. Въ тоже время, въ Константинополѣ арестовали нашего посланника Булгакова. Оба эти обстоятельства

(*) Извлечено изъ статьи, написанной А. В. Висковатовымъ; изъ Военно-Энциклопедическаго лексикона, и изъ дѣла.

произошли неожиданно, по поговоркѣ: какъ снѣгъ на голову. Войскъ было у насъ достаточно, но какъ не ожидали войны, то и должно было на первую кампанію ограничиться оборонительными мѣрами, а именно прикрытіемъ нашихъ южныхъ границъ и границъ Польши. Фельдмаршалу Румянцову, съ Украинскою арміею, велѣно было вступить въ Подолію, а князь Потемкинъ, съ Екатеринославскою арміею, долженъ былъ оберегать Русскіе предѣлы со стороны Очакова, Чернаго моря и Кубани. Въ его же распоряженіи состоялъ и черноморскій флотъ, котораго одна часть находилась въ Севастополѣ, а другая въ Херсонѣ и на Глубокой пристани, лежащей на правомъ берегу Днѣпровскаго Лимана, т. е. широкаго разлива между Очаковскимъ и Кинбурнскимъ берегами, принимающимъ въ себя рѣки Днѣпръ и Бугъ. Проходъ или проливъ, соединяющій этотъ лиманъ съ Чернымъ моремъ, съ одной стороны находится подъ пушками Кинбурнской крѣпости, а съ другой воз-

вышалась надъ нимъ грозная, въ то время, твердыня Очаковская. Всѣ эти подробности необходимы для поясненія происшествія съ Сакеннымъ.

При общемъ распоряженіи къ принятію оборонительныхъ мѣръ, одна только Севастопольская эскадра (4) получила повелѣніе дѣйствовать наступательно. «Подтверждаю вамъ,» писалъ князь Потемкинъ къ начальствовавшему ею и отправлявшемуся въ крейсерство контръ-адмиралу графу Войновичу: «стараться произвести дѣло, ожидаемое отъ храбрости и мужества вашего и подчиненныхъ вашихъ. Хотя бы всѣмъ погибнуть, но должно показать всю неустрашимость къ нападенію и истребленію непріятеля. Сіе объявите всѣмъ офицерамъ вашимъ: гдѣ завидите флотъ турецкій, атакуйте его во что бы ни стало, хотябъ всѣмъ пропасть.» Получивъ этотъ приказъ, Войновичъ вышелъ въ море 31-го августа, передъ равноденствіемъ, опаснымъ на Черномъ морѣ, по свирѣпствующимъ тамъ, въ это время, бурямъ.

Тогдашній выходъ нашего черноморскаго флота въ крейсерство (5) былъ первый, предпринятый съ цѣлію встрѣтиться и сразиться съ непріятелемъ, и онъ окончился потерею линейнаго корабля *Марія Магдалина* (6), сдавшагося безъ битвы, что, какъ правительствомъ, такъ и морскими нашими офицерами, было принято съ большимъ огорченіемъ. Неудачу эту надлежало загладить подвигомъ славнымъ и блистательнымъ, и судьба предназначила къ тому офицера черноморскаго же флота *Сакена*.

Рейнгольдъ-фонъ-Сакенъ, или какъ обыкновенно называли его сослуживцы, Христоферъ Ивановичъ Сакенъ, родомъ изъ эстляндскихъ дворянъ, началъ службу въ 1769 году, т. е. еще въ первое отправленіе нашего флота въ Архипелагъ; въ 1782 году произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а въ началѣ 1787 въ капитаны 2-го ранга. Онъ былъ офицеръ храбрый, свѣдущій и любимый всѣми сослуживцами; князь Потемкинъ отличалъ его, лично дѣлалъ ему разныя

по службѣ порученія, и назначилъ его въ ту часть флота, которая находилась въ Днѣпровскомъ лиманѣ. Когда вѣсть о взятіи нашего корабля Турками пришла въ Херсонъ, объ этомъ произшествіи судили различно. Одни изъ флотскихъ офицеровъ говорили, что командиру не оставалось никакого инаго средства, другіе возражали, что если онъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе потопить корабль, то долженъ былъ исполнить это, не созывая офицеровъ на совѣтъ; иные были того мнѣнія, что и въ самомъ Константинополѣ не надлежало сдаваться безъ боя. Въ одной изъ такихъ бесѣдъ случился Сакенъ, и долго, въ молчаніи, слушалъ мнѣнія и споры своихъ товарищей. «Господа,» сказалъ онъ наконецъ, «разсуждайте объ этомъ несчастномъ обстоятельствѣ, какъ думаете и какъ бы каждый изъ васъ поступилъ въ подобномъ случаѣ; а что до меня касается, если судьба приведетъ ввѣренное мнѣ судно въ опасность достаться непріятелю, я скорѣе взлечу съ

нимъ вмѣстѣ на воздухъ, нежели переживу подобное безславіе. Въ этомъ увѣряю васъ честнымъ словомъ.»

Болѣе семи мѣсяцовъ прошло со времени этого разговора. Князь Потемкинъ, открывая кампанію 1788 года походомъ подъ Очаковъ, вооружилъ на Днѣпровскомъ лиманѣ флотъ, изъ парусныхъ и гребныхъ судовъ, (7) и раздѣливъ его на двѣ части, или эскадры: парусную и гребную, онъ поручилъ послѣдшою извѣстному Принцу Нассау Зигену, а первую контръ-адмиралу Джонсу, Американцу, рекомендованному въ русскую службу французскимъ посломъ, графомъ Сегіюромъ. Сакенъ состоялъ подъ начальствомъ Принца, и командовалъ только что построенною дуббель-шлюпкою; этотъ родъ военныхъ судовъ, нынѣ не употребляемыхъ, появился въ нашемъ флотѣ еще при Петрѣ Великомъ; при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, именно въ 1737 году, когда Минихъ готовился идти подъ Очаковъ, ихъ построили 200, каждую о шести двухъ-фунтовыхъ фалко-

нетахъ (8). Онѣ были съ веслами, о двухъ мачтахъ, и на носу, вмѣсто обыкновеннаго, къ верху приподнятаго бушприта, (9) имѣли почти параллельный къ поверхности воды, длинный выступъ или шпиронъ, какъ бывало у галеръ. Онѣ долженствовали вступать въ сраженіе вогнутою линіею, въ видѣ полумѣсяца, шпиронами впередъ, и потому главная артиллерія помѣщалась у нихъ въ носовой части. Онѣ были очень тяжелы на ходу, и въ продолженіи двухъ лѣтъ почти всѣ погибли отъ бурь. Для кампаніи 1788 года, по повелѣнію Потемкина построили на Днѣпрѣ 14 дубель-шлюпокъ, но бо́льшихъ размѣровъ, о сорока двухъ веслахъ и пятнадцати орудіяхъ: двухъ тридцати фунтовыхъ, одной двѣнадцати фунтовой и четырехъ одно-фунтовыхъ пушкахъ и восьми фалконетахъ.

Во второй половинѣ мая 1788 года, гребная эскадра пришла на Глубокую пристань, и начальствовавшій ею Принцъ Нассау-Зигенъ, имѣя надобность усло-

виться съ Суворовымъ на счетъ военныхъ дѣйствій, послалъ къ нему въ Кинбурнъ, на дуббель-шлюпкѣ, капитана Сакена. О турецкомъ флотѣ не было слуховъ, какъ онъ неожиданно показался въ виду Кинбурна, и малыя его суда, благопріятствуемыя попутнымъ вѣтромъ, начали входить въ лиманъ. По исполненіи порученія, Сакену надлежало немедленно возвратиться въ Глубокую. «Положеніе мое опасно,» сказалъ онъ подполковнику Козловскаго пѣхотнаго полка, Маркову, «но честь мою могу еще спасти: если Турки атакуютъ меня двумя судами, я возьму ихъ; съ тремя буду сражаться; отъ четырехъ не побѣгу, но если нападутъ больше, тогда прощай, Ѳедоръ Ивановичъ, мы болѣе не увидимся!» Сакенъ сдержалъ свое слово. Преслѣдуемый тринадцатью непріятельскими судами, онъ спустилъ, въ бывшую у него не большую шлюпку, флагъ судна, девять матросовъ, и приказалъ имъ извѣстить о своемъ положеніи Принца Нассау, и сказалъ, что ни

онъ, ни дуббель-шлюпка не будутъ въ рукахъ непріятельскихъ. Вскорѣ, когда онъ уже былъ противъ устья Буга, четыре турецкія галеры начали догонять его, и настигнувъ, сцѣпились съ дуббель-шлюпкою. Сакенъ не потерялъ присутствія духа: съ зажженнымъ фитилемъ сошелъ въ крюйтъ-камеру (10) и чрезъ нѣсколько мгновеній, вмѣстѣ съ суднемъ своимъ и съ абордировавшимъ (11) его непріятелемъ, взлѣтѣлъ на воздухъ. Отправившіеся къ Принцу Нассау-Зигену матросы были свидѣтелями взрыва, и первые привезли о томъ извѣстіе начальству. Сакенъ погибъ, имѣя около тридцати пяти лѣтъ отъ роду, и тѣло его, по прошествіи нѣсколькихъ дней, было найдено на берегу Буга, безъ черепа, съ оторванными руками. Георгіевскій крестъ, за 18 морскихъ кампаній, уцѣлѣлъ въ петлицѣ мундира. Императрица, получивъ отъ князя Потемкина донесеніе объ этомъ происшествіи, надѣлила родственниковъ Сакена щедрыми денежными пенсіями и другими на-

градами. Сказываютъ, что еще недавно, лѣтъ за двадцать передъ симъ, видно было днище взорванной Сакеномъ дубель-шлюпки.

Сакенъ былъ несчастною, но славною и не безполезною жертвою, принесенною для чести и пользы нашего флага. Самоотверженіе имъ оказанное, изумило непріятелей и послѣ этого событія они не имѣли духу сбалиться съ нашими судами на абордажъ. Въ кампаніи 1790 и 1791 годовъ, когда мѣсто графа Войновича, въ командованіи Севастопольскою эскадрою, заступилъ контръ-адмиралъ Ушаковъ, наши корабли никогда не имѣли болѣе 800 человѣкъ экипажа. У Турокъ бывало по 1000 и даже по 1200 человѣкъ; но данный Сакеномъ урокъ всегда удерживалъ ихъ въ почтительномъ разстояніи отъ нашей линіи, и флотъ нашъ, всегда уступая турецкому въ числѣ кораблей и людей, всегда бралъ надъ нимъ верхъ превосходствомъ своей артиллеріи.

БЕЛЛИ (*).

Генрихъ Генриховичъ Белли, родился въ Англіи и въ 1783 году прибылъ въ Россію, въ числѣ тѣхъ морскихъ офицеровъ, которыхъ пригласила Императрица Екатерина II на службу въ черноморскій флотъ, возрождавшійся тогда подъ непосредственнымъ попеченіемъ князя Потемкина. Белли былъ принятъ мичманомъ, но по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ (1-го января 1784 года),

(*) Изъ «Писемъ русскаго морскаго офицера», и изъ Военно-Энциклопедическаго лексикона.

произведенъ въ лейтенанты. Въ этомъ чинѣ, въ теченіи четырехъ лѣтъ, находился онъ въ крейсерствахъ у береговъ Крыма. Въ 1788 году, уже будучи командиромъ военнаго судна *Побѣдославъ-Задунайскій*, въ эскадрѣ контръ-адмирала графа Войновича, онъ участвовалъ въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ у острова Фидониси; въ 1789 году 14-го апрѣля, произведенъ въ капитанъ-лейтенанты; въ 1790, назначенъ командиромъ репетичнаго фрегата (12) *Полоцкъ*, въ эскадру контръ-адмирала Ушакова, съ которою находился опять въ сраженіяхъ съ Турками, 28 и 29-го августа, въ открытомъ морѣ, между Гаджибеемъ (нынѣшнею Одессою) и островомъ Тендрою, а въ 1791 г. 31-го августа, отличился при пораженіи оттоманскаго флота у мыса Калакріи, и награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. По окончаніи войны, въ 1792 г., онъ получилъ въ командованіе 32-хъ пушечный фрегатъ *Счастливый*, на которомъ имѣлъ не однократные крейсер-

ства въ Черномъ морѣ, а въ августѣ 1798 г., поступилъ въ эскадру, посланную подъ начальствомъ вице-адмирала Ушакова въ Константинополь, въ помощь оттоманской портѣ, противъ Французовъ, предпринявшихъ экспедицію въ Египетъ. Эта кампанія не только доставила Белли случай къ новымъ отличіямъ, но даже можетъ назваться славнѣйшею эпохою его жизни. Въ теченіи сентября и октября мѣсяцевъ, онъ дѣятельно участвовалъ въ освобожденіи отъ Французовъ Іоническихъ острововъ: Занта, Кефалоніи и Чериго, и награжденъ за это орденомъ Св. Анны 2 класса. Потомъ, до 22 февраля 1799 г., находился при обложеніи и взятіи укрѣпленій острова Корфу, а въ апрѣлѣ поступилъ въ отрядъ, посланный адмираломъ Ушаковымъ для очищенія, отъ французскихъ войскъ, береговъ Неаполитанскаго Королевства. Здѣсь то Белли имѣлъ хотя краткій, но блистательный рядъ успѣховъ. Адмиралъ Ушаковъ, командовавшій соединеннымъ россійскимъ и ту-

рецкимъ флотами, и занятый покоренiемъ Корфы и другихъ Іоническихъ острововъ, отрядилъ для пособiя кардиналу Руффо, капитана 2-го ранга Сорокина, съ четырью русскими и однимъ неаполитанскимъ фрегатами, и корветомъ съ четырью канонерскими турецкими лодками.

1-го мая союзная эскадра, подошедъ къ городу Молѣ (что въ Пулiи), атаковала его на разстоянiи картечнаго выстрѣла, столь удачно, что непрiятель принужденъ былъ вскорѣ сдаться на волю побѣдителя. По возстановленiи въ городѣ прежняго правленiя, эскадра отправилась къ Бари, гдѣ капитанъ Сорокинъ встрѣченъ былъ депутатами, которые увѣрили его въ совершенной ихъ преданности и послушанiи законному ихъ Государю.

8-го числа, высаженные у Манфредонiи съ эскадры войска, встрѣчены были съ восторгомъ депутатами сего города и многихъ другихъ; только весьма значительные, по многолюдству и богатству,

города Фоджіо и Бриндизи еще противились. Эти города были главнымъ сборнымъ мѣстомъ мятежниковъ.

11-го числа Бриндизи и вся область Пулія уже была освобождена отъ республиканцевъ, изъ коихъ многіе побиты, прочіе же разбѣжались.

Такимъ образомъ капитанъ Сорокинъ, обошедъ со стороны Адріатическаго моря неаполитанскіе берега, дѣйствіями своими, то съ кораблей, то десантами, всегда усердно подкрѣпляемыми вооружавшимся народомъ,—освободилъ многія провинціи отъ революціонныхъ неаполитанскихъ войскъ и повсюду успѣшно возстановилъ порядокъ и спокойствіе.

Капитанъ-лейтенантъ Белли, высаженный 8-го мая съ 511-ю морскихъ солдатъ и матросъ, съ 6-ю пушками, на другой день занялъ Фоджіо, безъ сопротивленія и принятъ былъ народомъ съ великою радостію. Собравшіяся, въ маломъ разстояніи отъ города, бунтовщики, всего до 3000 человѣкъ, угрожали жите-

лямъ разореніемъ. Капитанъ Белли, прошедъ городъ, разбилъ, разсѣялъ и уничтожилъ этотъ отрядъ. Белли вступилъ въ Фоджіо въ день годовой ярмарки. Это обстоятельство послужило въ пользу приверженцевъ Короля. Извѣстіе о прибытіи Русскихъ съ неимовѣрною скоростію распространилось всюду. Громкая слава побѣдъ Суворова увеличила въ глазахъ непріятеля силы малаго отряда и невольный страхъ овладѣлъ республиканцами. Шествіе войскъ нашихъ подобно было тріумфу. Извѣстіе о приближеніи Русскихъ привело въ робость и замѣшательство мятежниковъ; напротивъ того приверженные и вѣрные Королю, встрѣчали ихъ, какъ избавителей, съ нелицемѣрною радостію. Потому то слабый этотъ отрядъ оказалъ очень большія услуги Королю. Появленіе его въ сердцѣ королевства ободрило народъ. Гарнизоны въ крѣпостяхъ и разсѣянные по городамъ непріятельскіе отряды, истреблены были по частямъ, такъ что ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ отступить

въ Неаполь. Изъ Фоджіо, капитанъ Белли пошелъ быстрыми переходами прямо къ столицѣ, и не дошедъ 60 верстъ, соединился съ ополченіемъ кардинала Руффо, и составя его авангардъ, немедленно двинулся впередъ. По просьбѣ Мишеру, генерала королевскаго ополченія, капитанъ Сорокинъ прислалъ по почтѣ подкрѣпленіе, состоявшее изъ 95 человѣкъ. По прибытіи, котораго капитанъ Белли, имѣя 600 человѣкъ, явился у Портичи. Удивленные Французы, видя передъ собою Русскихъ и не смѣя сопротивляться, бѣжали. Они выставили на за́мкѣ флагъ Короля Обѣихъ Сицилій, и оставили въ немъ гарнизонъ изъ королевскихъ солдатъ; Белли скорымъ шагомъ приблизился къ крѣпости Виллини, и не останавливаясь, взялъ ее приступомъ. Приведенные въ робость непріятели и тутъ мало сопротивлялись; никто изъ гарнизона не успѣлъ уйти, и всѣ взяты въ плѣнъ или убиты.

Непріятель собрался въ превосходныхъ силахъ у моста Магдалены, который былъ

укрѣпленъ и защищенъ двумя батареями. Чтобы затруднить подступъ къ мосту, къ которому должно было идти дорогою близъ моря, мятежники поставили подлѣ берега 30 канонерскихъ лодокъ. Матросы, ободренные первымъ успѣхомъ позабыли усталость и невидѣли уже никакой опасности. Капитанъ Белли, открылъ по флотиліи, изъ своихъ полевыхъ орудій, столь удачный огонь, что съ первыхъ выстрѣловъ двѣ лодки пущены на дно, а прочія отступили. Не теряя ни минуты, Белли, свернувъ отрядъ свой въ колону, атаковалъ штыками, и, опрокинувъ все встрѣтившееся ему на пути, ворвался въ окопы, взялъ обѣ батареи одну за другой и взошелъ на мостъ вмѣстѣ съ непріятелемъ, который тщетно усиливался остановить столь смѣлый натискъ, и возвратить мостъ. Белли, обративъ пушки взятыхъ батарей и свои противу густыхъ колонъ непріятельскихъ, снова пошелъ на штыки, прорвалъ непріятельскій центръ, и тѣмъ принудилъ его въ безпорядкѣ бѣжать къ цитадели.

Клики, ура! какъ бы пробудили отъ глубокаго сна жителей Неаполя. Съ этого времени мятежники должны были сражаться, съ цѣлымъ населеніемъ Неаполя.

Такимъ образомъ, въ одинъ день покорены были два замка, укрѣпленный мостъ и превосходный въ силахъ непріятель разбитъ въ окопахъ; взяты 4 пушки большаго калибра; потеря въ людяхъ была очень значительна. При взятіи моста отличились лейтенантъ Спаксаревъ и морской артиллеріи унтеръ-лейтенантъ Туяни.

На другой день, 3-го іюня, кардиналъ Руффо, находившійся до этого въ полѣ, съ войскомъ своимъ перешелъ на дорогу къ Капуи, онъ послалъ сильный отрядъ къ Гаэтѣ, и тѣмъ, въ одно время лишилъ столицу важнѣйшихъ сообщеній, и угрожалъ паденіемъ на оставшіяся въ рукахъ мятежниковъ двѣ крѣпости. Войска же папи, причинивъ большой уронъ непріятелю, овладѣли замкомъ Дела-Кермеши, въ которомъ укрѣпились, и съ непреоборимымъ мужест-

вомъ отразивъ всѣ нападенія Французовъ, принудили ихъ, оставивъ Неаполь въ нашей власти, заключиться въ крѣпостяхъ.

Въ этотъ и въ послѣдующіе дни, Неаполитанцы, соединившись съ прибывшимъ ополченіемъ, нападали на бунтовщиковъ. Въ эти минуты ужаса ни лѣта́, ни полъ, ни достоинства, ни богатство, ни несчастіе, ни что не было уважено; наступилъ часъ мщенія, городъ наполнился трупами предателей отечества. Руффо немогъ остановить этихъ жестокостей, только Русскіе спасли нѣсколько семействъ. Республиканцы, приведенные въ отчаяніе, рѣшились защищаться до крайности.

5 и 6 іюня, занимались строеніемъ батарей противъ замковъ Ново и Дель-ово, окончивъ работы, капитанъ Белли открылъ жестокую канонаду. Непріятель, устрашенный мѣткимъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, принужденъ былъ просить пощады. 9-го числа, по заключеннымъ капитуляціямъ, французскій гарнизонъ,

этихъ двухъ за́мковъ, долженъ былъ быть отправленъ въ Тулонъ.

По покоренiи приморскихъ за́мковъ, Белли атаковалъ главную крѣпость Сантъ-Ельмо; но узнавъ, что мятежники хотѣли напасть на него съ тылу, предупредилъ ихъ въ этомъ намѣренiи. Войска кардинала Руффо должны были обойти и напасть на непрiятеля. Поручикъ Александеръ со ста человѣками морскихъ гренадеръ, и мичманъ Викорстъ съ 30 матросами и двумя пушками, не дождавшись войскъ кардинала, произведя ружейный и пушечный огонь, скорымъ шагомъ подошедъ къ самому фронту непрiятельскому, состоявшему болѣе нежели изъ 1000 человѣкъ, съ крикомъ ура! ударили въ штыки. Это нападенiе произведено было съ такимъ мужествомъ, что въ самое короткое время положено на мѣстѣ 300 человѣкъ, въ плѣнъ взято 60, одно знамя, пять полевыхъ пушекъ и 25 обозныхъ лошадей. Остатки непрiятельскаго корпуса разсѣялись и были истреблены сельскими жителями. Въ этомъ

нападенiи, къ сожалѣнiю былъ убитъ храбрый сержантъ Луневъ, отнявшiй знамя у непрiятеля.

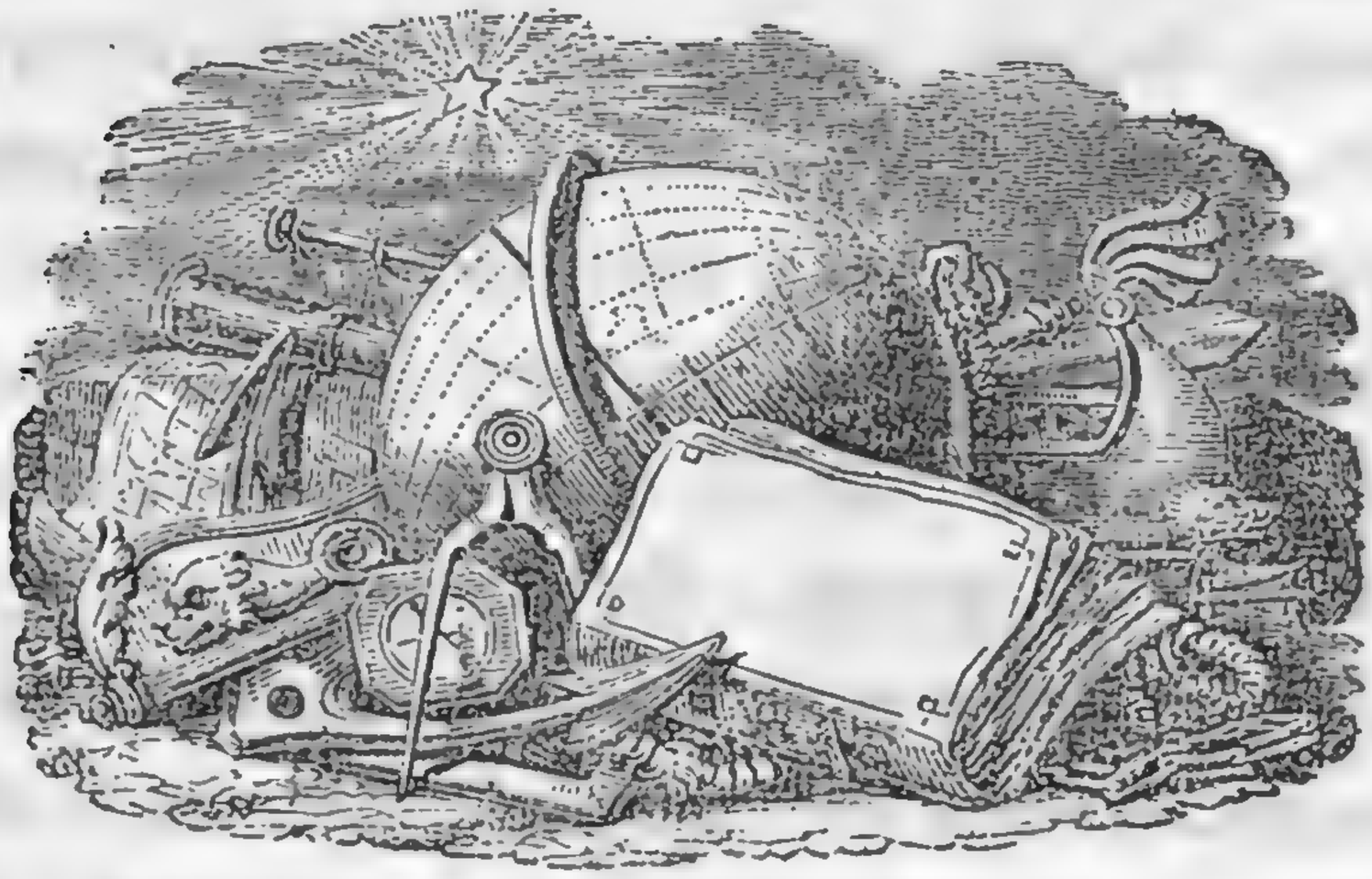
Здѣсь къ чести малочисленнаго отряда, предводимаго капитаномъ Белли, нельзя не упомянуть, что въ тѣ ужасные для Неаполя дни, когда войска, приведенные кардиналомъ Руффо, увлекаясь жаждою грабежа и крови, не щадили ни пола, ни возраста, истощая надъ своими соотечественниками всѣ возможныя злодѣйства, Русскiе были истинными хранителями и спасителями многихъ тысячъ людей, успѣвшихъ прибѣгнуть къ ихъ защитѣ. Ихъ храбрость и строгая подчиненность прiобрѣли имъ такое уваженiе, что, по увѣренiямъ очевидцевъ, одинъ русскiй часовой удерживалъ кровожадныя толпы, страшныя для гражданъ. Заслуги Белли не остались безъ вниманiя: еще до соединенiя съ войскомъ Руффо, онъ удостоился получить отъ Императора Павла, командорскiй знакъ ордена Св. Iоанна Iерусалимскаго; прочитавъ же донесенiе адмирала Ушако-

ва о взятіи Неаполя, Монархъ сказалъ: «Белли думалъ удивить меня и Европу, а Я удивлю его,» и пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Анны первой степени, хотя Белли былъ только въ чинѣ капитанъ-лейтенанта. Между тѣмъ, при содѣйствіи Русскихъ, сдались, 30-го іюня за́мокъ Эльмо, а 17-го іюня крѣпость Катра, примѣру которой послѣдовала и Гаэта. Революціонеры, какъ упѣлѣвшіе въ самомъ Неаполѣ, такъ и скрывшіеся въ его за́мкахъ, должествовали, по заключеннымъ съ ними договорамъ, получить свободный проѣздъ во Францію, но они взяты были подъ стражу и преданы суду, а потомъ казнены. Самый голосъ Короля, желавшаго щадить своихъ подданныхъ, не имѣлъ силы, заглушаемый волею Нельсона. Настали новые ужасы, въ продолженіе которыхъ, Русскіе снова пріобрѣли право на уваженіе цѣлой націи. По желанію Короля, они содержали караулы при за́мкѣ Ново, въ которомъ заключены были несчастныя жертвы политическаго заблуж-

денія, и всѣми мѣрами старались спасать невинныхъ. Когда не было способовъ дѣлать это скрытно, Белли обращался къ членамъ суда, и испрашивалъ у нихъ помилованія заключеннымъ.

Между тѣмъ онъ былъ произведенъ, по вакансіи, въ капитаны 2-го ранга, а отъ Короля Обѣихъ Сицилій получилъ орденъ Св. Фердинанда, съ ежегодною пенсіею въ 1600 Неаполитанскихъ дукатовъ. Слишкомъ два года Белли, съ фрегатомъ своимъ, оставался при Неаполѣ, и уже къ 1803 году возвратился въ Николаевъ, пробывъ болѣе года въ Константинополѣ. Въ 1804 году близость разрыва съ Франціею вызвала Белли снова въ Средиземное море, къ острову Корфу, состоявшему тогда подъ покровительствомъ Россіи и Турціи. Въ это время, онъ былъ уже въ чинѣ капитана 1-го ранга и командовалъ кораблемъ *Азія*. Въ 1806 году, поступивъ въ эскадру вице-адмирала Сенявина, участвовалъ въ освобожденіи отъ Французовъ провинціи Бокка-ди-Катаро. Весь 1807 годъ про-

велъ онъ въ Адріатическомъ морѣ, и получилъ чинъ капитанъ-командора. Въ 1808 году, по случаю разрыва съ Англіею, Белли, какъ поддашный этой державы, былъ отозванъ внутрь Россіи. Въ 1812 году, онъ опять поступилъ въ черноморскій флотъ, гдѣ оставался до самой своей кончины; постигшей его 21-го іюля 1826 года, въ чинѣ контръ-адмирала и въ званіи командира 3-й бригады черноморскаго флота.



НЕВЕЛЬСКОЙ (*).

По заключенію мира, между Россіею и Франціею, при Тильзитѣ въ 1807 году, Англія объявила намъ войну и помогала Шведамъ въ дѣйствіяхъ противу насъ.

Лейтенантъ Гаврило Ивановичъ Невельской, во время этой войны командовалъ катеромъ *Опытъ*, который былъ вооруженъ четырнадцатью двѣнадцати фунтовыми каронадами, (13) и на немъ находилось пятьдесятъ три человѣка

(*) Извлечено изъ описанія Финляндской войны Г. Л. Михайловскаго-Данилевскаго; изъ Военно-Энциклопедическаго лексикона и изъ дѣла.

офицеровъ и матросъ. 4-го іюня 1809 года, для наблюденія за движеніями непріятельскихъ судовъ, т. е. англійскихъ и шведскихъ, посланы были изъ Свеаборга, корветъ *Шарлотта* и катеръ *Опытъ*, съ предписаніемъ крейсеровать между Свеаборгомъ и Гангэуддомъ. *Опытъ* заходилъ въ Ревель и возвращался оттуда 12-го іюня; тогда, миновавъ островъ Наргинъ, при пасмурной и дождливой погодѣ, онъ увидѣлъ впереди себя къ западу, большое трехъ мачтовое судно, которое шло къ нему на встрѣчу. Никакъ неожидая такъ скоро увидать непріятеля, онъ принялъ его за корветъ *Шарлотту*, съ которымъ былъ разлученъ бурею. И потому ничего не опасаясь, Невельской продолжалъ плыть къ Свеаборгу, но не получивъ отвѣта на опознательный сигналъ (*), онъ увидѣлъ свою ошибку и рѣшился возвратиться.

(*) Въ разсказѣ о подвигѣ Сухотина объяснено, что такое сигналъ.

Судно, которое онъ разсмотрѣлъ, былъ англійскій сорока четырехъ пушечный фрегатъ *Сальсетъ* (Salcette), имѣющій отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ экипажа, подъ командою капитана Батурста; фрегатъ тотчасъ бросился въ догонку за катеромъ, и открылъ по немъ огонь изъ погонныхъ орудій (14).

Обратное движеніе было тѣмъ нужнѣе, что стихавшій вѣтеръ угрожалъ перемѣною и могъ поставить катеръ въ затруднительное положеніе. Въ это время совершенно стихло и оба противника остановились; Невельской, надѣясь греблею избѣжать сильнаго непріятеля, самъ взялся за весло, офицеры и всѣ матросы послѣдовали его примѣру, оглашая воздухъ восклицаніемъ: Ура! Близкая опасность придала имъ необыкновенныя силы, и катеръ *Опытъ* пошелъ по четыре мили въ часъ. Въ лѣво отъ катера, на разстояніи мили, находилась отмель, возлѣ острова Наргина; Невельской направился къ ней, съ намѣреніемъ разбить катеръ о подводныя каменья.

Въ то время фрегатъ, пользуясь легкимъ дуновеніемъ вѣтерка, сталъ приближаться къ катеру; въ это мгновеніе изъ облака, висѣвшаго надъ злополучнымъ *Опытомъ*, исторгнулся сильный порывъ вѣтра отъ юго-востока, или какъ моряки выражаются шквалъ, который положилъ бѣдное судно на бокъ, изорвавъ у него всѣ паруса и переломавъ весла и вооруженіе; этотъ же шквалъ столь гибельный для Русскихъ, доставилъ фрегату возможность подойти къ нимъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла. Конечно! надежды нѣтъ, бѣдный катеръ не можетъ избѣжать когтей злаго коршуна, фрегата, онъ долженъ, или сдаться или употребить послѣднія слабыя усилія, и съ небольшими средствами бороться съ сильнымъ непріятелемъ.

Сдаваться!... и не приходило на умъ благороднаго Невельскаго, а драться до послѣдней крайности, пока у катера еще есть пушки и руки. Нѣтъ!... онъ не уступитъ. Онъ приказалъ людямъ своимъ оставить весла и приготовиться къ

смертельному бою. Невельской въ краткой, но сильной рѣчи, объяснилъ матросамъ положеніе ихъ и его намѣреніе; онъ говорилъ русскимъ матросамъ, молодцамъ, которые съ восторгомъ приняли слова своего командира и огласили воздухъ крикомъ: «Ради стараться, Ваше Благородіе!» — Потомъ онъ выбросилъ въ воду всѣ сигнальныя книги и секретныя бумаги, привязавъ ихъ къ баластинѣ.

Фрегатъ, между тѣмъ, подошелъ еще ближе, поднялъ англійскій флагъ и вдругъ съ него закричали по русски: флагъ долой! но онъ не зналъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло; онъ не зналъ, что русскій командиръ и команда его судна рѣшились умереть героями. На катерѣ царствовала глубокая тишина. Невельской и подчиненные его, въ это время, осѣнивъ себя знаменіемъ креста, внутренно молились. На фрегатѣ удивились равнодушію безсильнаго противника, и потому, открыли огонь изъ двухъ тридцати фунтовыхъ орудій, съ великодушнымъ намѣре-

ніемъ пощадить жизнь людей, такъ хладнокровно обрекавшихъ себя на смерть. Тогда Невельской перекрестясь и показывая шляпою на фрегатъ, воскликнулъ: «Ребята! на начинающаго Богъ.» И залпъ (15) изъ семи каронадъ влѣпился въ стѣну фрегата. Англичане видя, что они силой должны привести къ молчанію своего непріятеля, также дали по немъ залпъ, и въ одно мгновеніе катеръ представлялъ совершенную развалину, вездѣ висѣли обломки и лоскутья, грустно было бы взглянуть тогда на бѣдный катеръ. Но не взирая на это, храбрый Невельской и его сподвижники продолжали отстрѣливаться, производя на фрегатѣ довольно значительный уронъ въ людяхъ.

Тогда англійскій капитанъ приказалъ выпалить изъ пяти пушекъ находящихся въ батареѣ, что было немедленно исполнено. *Опытъ* стремительно покачнулся на́-бокъ, а когда оправился, то оказалось, что бортъ (16) его весь избитъ — открылась большая течь и во-

да значительно прибываетъ; пять орудій было подбито; на палубѣ (на полу) лежало два человѣка убитыхъ и десять раненыхъ, изъ которыхъ два вскорѣ умерли; раненъ былъ и самъ командиръ катера, которому деревянный осколокъ раздробилъ челюсть. Невельской истекая кровью, успѣлъ только сказать: «Прощайте ребята, спасибо вамъ!» и упалъ безъ чувствъ. Тогда англійскій фрегатъ, который находился въ весьма близкомъ разстояніи, прекратилъ огонь и снова потребовалъ сдачи: «Сдаемся!» отвѣчалъ офицеръ, заступившій мѣсто Невельского, что ему оставалось дѣлать? «Флагъ долой!» повелительно закричали съ фрегата. «Спустить нельзя,» отвѣчалъ командующій. «Такъ подымите англійскій флагъ!» «Нѣтъ его!» Вооруженная шлюпка отошла отъ фрегата. Первое лице, которое явилось на катерѣ, былъ докторъ съ помощникомъ; онъ тотчасъ принялся осматривать раненыхъ, а бывшій съ нимъ офицеръ сталъ отбирать оружіе.

Приведенный въ чувство Невельской, подалъ шпагу подошедшему къ нему непріятельскому лейтенанту, но тотъ отступя отъ него, съ почтеніемъ сказалъ, что не имѣетъ права принять ее, и что честь сія принадлежитъ его капитану.

На первой шлюпкѣ отправлены раненые, на второй команда (17) катера. Капитанъ англійскаго фрегата Батурстъ, почтительно встрѣтилъ своего плѣнника на верху, и не принялъ шпаги его. Когда въ послѣдствіи, отъ качки и недостатка легкой пищи, рана Невельскаго разболѣлась, Батурстъ обязалъ одно купеческое судно доставить его въ Либаву, снабдивъ лекарскимъ помощникомъ и лекарствами, не смотря на то, что между ними произошла размолвка.

Англійскій капитанъ тяготился нашими плѣнниками, какъ на счетъ продовольствія, такъ и помѣщенія ихъ, почему и требовалъ отъ начальника катера, подписки за него и за команду: не служить въ продолженіи войны противъ Англичанъ и Шведовъ. Невельской,

отвергнулъ предложеніе за своихъ подчиненныхъ, но за себя далъ подписку, не надѣясь на выздоровленіе, въ которомъ отчаявались даже и врачи, потому что рана его была опасна: дубовымъ осколкомъ раздробило ему челюсть, такъ, что послѣ того, всю ее, по частямъ вынимали.

Продержавъ команду около двухъ недѣль на фрегатѣ, Батурстъ, сдѣлалъ въ Либавѣ размѣнъ плѣнныхъ, а катеръ повелъ съ собою, и сдалъ его шведскому фрегату, оставивъ у себя флагъ, гюйсъ и вымпелъ (18). *Опытъ* былъ исправленъ, и продолжалъ службу у Шведовъ подъ прежнимъ названіемъ. На фрегатѣ, кромѣ многихъ поврежденій, убитыхъ было двое, раненыхъ десять.

Невельскаго уволили въ отпускъ до излѣченія болѣзни, съ сохраненіемъ жалованья. По излѣченіи, Высочайше повелѣно было: назначить его на всегда командиромъ судна, т. е. никогда не служить ему ни у кого подъ командой. Сверхъ того, Императоръ Александръ

приказалъ выдать ему изъ кабинета 3000 рублей; офицерамъ, мичманáмъ Никитину и Станюковичу, годовое жалованье, не въ зачетъ, а гардемаринамъ, бывшимъ на *Опытѣ*, по 100 рублей; всѣхъ ихъ избавить отъ слѣдствія и военнаго суда; время плѣна не вычитать изъ службы; командѣ же убавить нѣсколько лѣтъ службы и опредѣлить ее въ загородные дворцы, на придворныя суда.

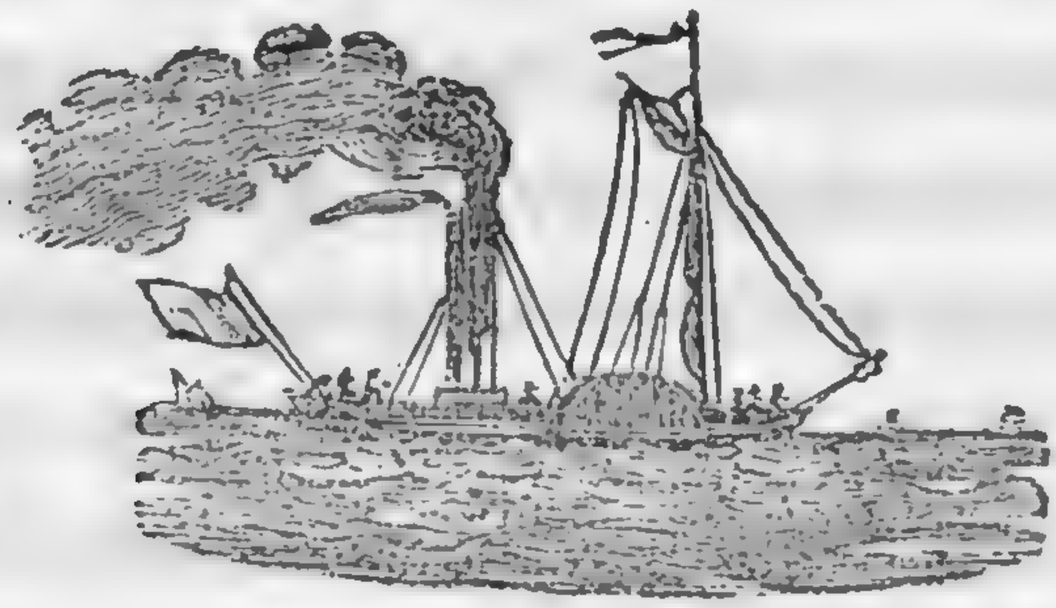
Быть можетъ, спросятъ почему такіе храбрецы должны были подпасть подъ военный судъ? Всякой потерявшій судно свое, какъ бы то ни было, отъ крушенія или въ сраженіи, подвергается слѣдствію и военному суду, вмѣстѣ съ своими подчиненными. Судъ строго и совѣстливо разбираетъ все дѣло, и рѣшаетъ правъ ли капитанъ, былъ или нѣтъ. Достоинъ ли онъ похвалы или наказанія. А если бы этого не было, то честь флага и интересъ казны могли бы пострадать, и капитанъ не исполнившій своего долга и обязанности, неподвергся бы никакому взысканію.

Одно только безстрашіе Невельскаго и его сподвижниковъ, могло избавить ихъ отъ слѣдствія, и еще то обстоятельство, что по причинѣ нашедшаго шквала они не могли уйти отъ столь превосходнаго непріятеля.

Если бы Невельскому удалось убѣжать отъ фрегата, онъ все таки оказалъ бы большую услугу отечеству, сохранивъ судно и русскій флагъ.

Но Богу было угодно иначе, и Невельской, съ честію вышелъ изъ самаго затруднительнаго положенія.

Гаврило Ивановичъ Невельской вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана 1-го ранга и уже скончался.



ПОДВИГЪ

МИЧМАНА СУХОТИНА (*).

Въ лѣтописяхъ исторіи нашей, вполнѣ достоинъ замѣчанія подвигъ одного молодаго, русскаго офицера, мичмана Сухотина, который въ цвѣтѣ лѣтъ погибъ, великодушно жертвуя своею жизнію для спасенія чести русскаго флага.

Приступая къ разсказу, надобно прежде объяснить, что такое на суднѣ называется сигнальной книгой. Когда нѣ-

---

(*) Изъ письма вице-адмирала Сущова, служившаго на другомъ гемамѣ въ чинѣ лейтенанта.

сколько военныхъ судовъ плаваютъ вмѣстѣ, то всегда есть главный начальникъ надъ всѣми, котораго называютъ адмираломъ или флагманомъ. Если адмиралу нужно переговорить съ какимъ нибудь капитаномъ, или отдать какой нибудь приказъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что было бы чрезвычайно затруднительно и часто невозможно посылать шлюпку, во всякую погоду, съ адмиральскаго судна на всю эскадру. Для избѣжанія этихъ неудобствъ и для облегченія разговора одного судна съ другимъ, придумали способъ переговора посредствомъ особенныхъ знаковъ, называемыхъ: *сигналами*; а книгу, гдѣ записаны всѣ слова и рѣчи выражаемыя этими знаками: *сигнальной книгой*. Вѣроятно, читатели легко догадаются, что эти книги тайна, которую ни подъ какимъ видомъ не должно открыть непріятелю, и что всячески надобно стараться, при гибельномъ положеніи судна, спасти ихъ; или, если этого нельзя то уничтожить ихъ совершенно. Иначе

можетъ случиться, что наши сигналы попадутъ къ непріятелю, и онъ легко узнаетъ всѣ предполагаемыя нами дѣйствія и движенія, и предупреждая ихъ, можетъ нанести большой вредъ и даже одержать побѣду.

Въ царствованіе Императора Александра I, Россія воевала съ Швеціею. Войска наши занимали, почти уже всю Финляндію и молодецки шли впередъ, поражая всюду Шведовъ. Въ то время на шведскомъ престолѣ былъ король Густавъ IV, который всячески старался остановить наши успѣхи, но всюду претерпѣвалъ неудачи. Увидя, что на сухомъ пути ему надежды мало, потому что трудно устоять противъ храбрости и самоотверженія русскаго солдата и противъ русскаго штыка, Густавъ IV рѣшился попытать счастія на морѣ. Но и тамъ, надобно сказать, онъ встрѣтилъ противниковъ, которые ему неуступали, и славно поддерживали честь русскаго флага. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1808 года, король приказалъ выбрать тысячу луч-

нихъ солдатъ, и присоединивъ къ нимъ матросъ съ кораблей, напасть и взять абордажемъ, въ одну изъ темныхъ ночей, наши два гемама (19), стоявшіе подъ берегомъ, въ Юнгферъ-Зундѣ.

Шведы напали сначала на гемамъ, названный *Старичъ-Біорнъ*. Неожиданное нападеніе и превосходство силъ, доставили Шведамъ полный и скорый успѣхъ. Командиръ гемама, почти со всѣми офицерами, были первыми жертвами, и Шведы, завладѣвъ судномъ, отправились на немъ противъ другаго, который стоялъ не въ далекѣ отъ перваго. Но онъ былъ предупрежденъ: услышавъ ружейные выстрѣлы и увидѣвъ подходящія непріятельскія шлюпки, онъ приготовился отразить Шведовъ, и встрѣтилъ ихъ и плѣненный гемамъ сильнымъ огнемъ изъ всѣхъ своихъ пушекъ. Дѣйствіе изъ нашихъ орудій было такъ сильно и столь удачно, что Шведы не могли устоять; они начали бросаться съ гемама въ воду, чтобы доплыть до своихъ шлюпокъ, которыя бѣжали, оста-

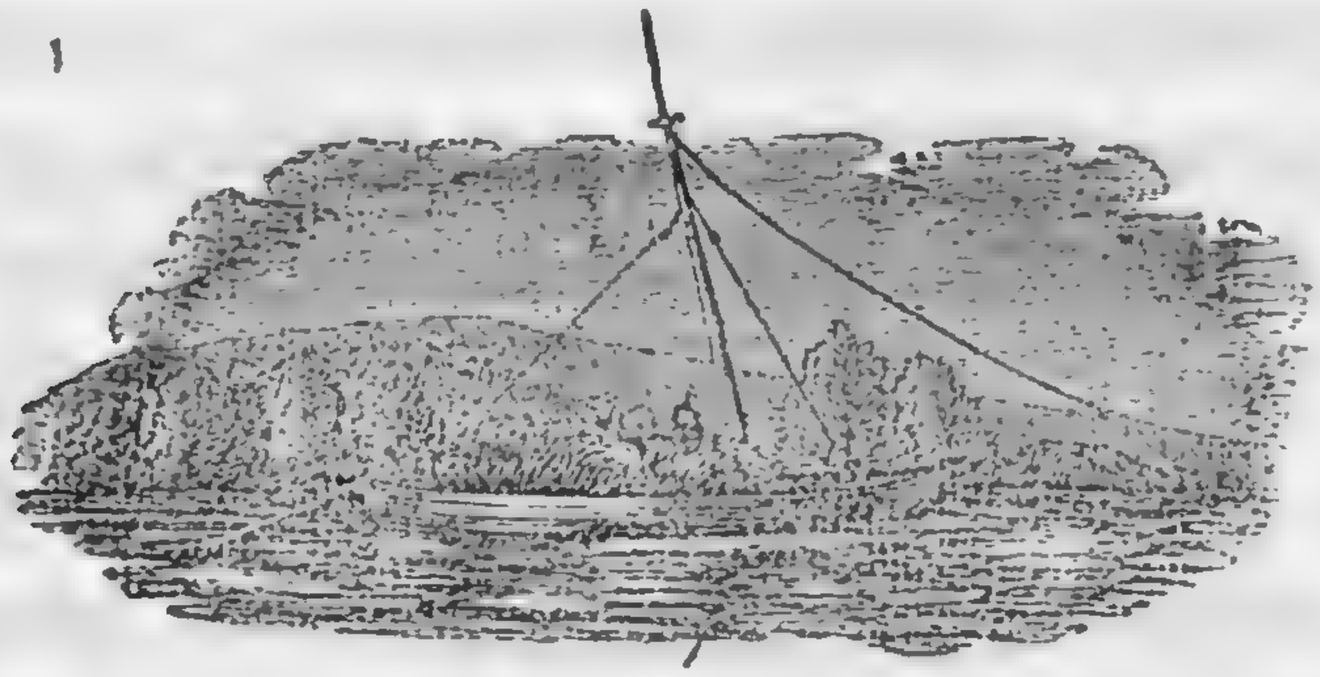
вивъ убитыхъ болѣе пятидесяти человѣкъ. Въ этомъ-то дѣлѣ палъ, подъ многочисленными ударами непріятеля, какъ герой и истинный сынъ отечества, въ цвѣтѣ лѣтъ, отличный офицеръ нашего флота, Василій Федоровичъ Сухотинъ.

Въ то время, когда Шведы, овладѣли гемамомъ и разсыпались по немъ, мичманъ Сухотинъ выбѣжалъ изъ своей каюты (20), бросился на палубу, чтобы собрать людей и защищаться, но въ ту же минуту получилъ жестокую рану саблею. Шведы окружили его, но онъ, сражаясь, старался пробиться въ нижнюю палубу, гдѣ находилась часть команды. Получивъ другую рану кортикомъ (21) и видя невозможность соединиться съ командою, Сухотинъ бросился въ свою каюту и заперъ за собою дверь. Шведы, не успѣвъ вбѣжать туда, вмѣстѣ съ нимъ, требовали чтобы онъ отперъ каюту, и за упорство грозили ему смертію. Но изъ каюты не было отвѣта. Шведы начали стрѣлять въ дверь изъ пистолетовъ, повторяли угрозы, но въ отвѣтъ

слышали одни стоны страдальца. Шведы наконецъ вышли изъ терпѣнія, разломали каюту, и увидѣвъ Сухотина покрытаго кровью и уже едва дышащаго, они оставили его и бросились искать добычи. Казенное и частное имущество было расхищено, по праву побѣды; но сокровище Сухотина, которымъ онъ дорожилъ болѣе жизни, хранилось у сердца его. Пять роковыхъ пуль, одна послѣ другой, поражали Сухотина, запертаго въ каютѣ, но не могли отвлечь его отъ исполненія великодушнаго подвига. Собравъ всѣ свои силы, онъ пользовался послѣдними минутами, чтобы изорвать находившіяся у него сигнальныя книги. Сухотинъ страшился, чтобы Шведы, узнавъ наши сигналы, не повредили флоту, и запершись въ каютѣ, рвалъ бумаги зубами, рубилъ кортикомъ и раздиралъ. Но ослабѣвая отъ ранъ, не будучи въ состояніи болѣе дѣйствовать, онъ собралъ послѣднія свои силы, приложилъ бумагу къ остывающему сердцу и—скончался.

Миръ праху твоему, великодушный юноша! Да сохранится до позднято потомства, память доблестнаго твоего подвига, и да будетъ онъ примѣромъ въ службѣ и утѣшеніемъ всякому Русскому.

И кто не прольетъ слезы умиленія надъ раннею могилою этого юнаго героя; пусть примѣръ его возбудитъ въ сердце каждаго такую же любовь, преданность и самоотверженіе къ любезному нашему отечеству, и если кому ни-будь случится быть въ подобныхъ обстоятельствахъ, онъ вспомнитъ Сухотина и подобно ему будетъ готовъ положить животъ свой, для спасенія чести русскаго флага.



ГОЛОВНИНЪ (*).

Василій Михайловичъ Головнинъ родился Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда, въ родовомъ имѣніи своемъ, въ селѣ Гулынкахъ, 8-го апрѣля 1776 года. На шестомъ году отъ роду былъ онъ, по тогдашнему обычаю, записанъ въ гвардію, сержантомъ въ Преображенскій полкъ. Девяти лѣтъ лишился своихъ родителей. Родственники опредѣлили его въ 1788 году, на тринадцатомъ году отъ

(*) Извлечено изъ Морскаго Сборника; статья эта написана Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ.

рожденія, въ морской кадетскій корпусъ. Бѣдный сирота очутился на чужбинѣ, одинъ, безъ родныхъ, безъ покровителей, безъ наставниковъ, не зная никого во флотѣ, не имѣя даже, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ запискахъ, мичмана своимъ покровителемъ. Что, можетъ быть, привело бы въ уныніе другаго и лишило бодрости на неизвѣстномъ пути, то ободрило отрока тихаго, прилежнаго, умнаго, разсудительнаго. Съ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ началъ онъ размышлять о жизни, о цѣпѣ ея, о назначеніи человѣка, о величіи и прелести науки, о святости долга и службы, о славѣ, пріобрѣтаемой подвигами чести, особенно на томъ бурномъ поприщѣ, которое ему представлялось въ будущемъ. Товарищи его въ праздничные и вакантные дни разъѣзжались по домамъ, бросались въ веселый и беззаботный кругъ друзей и родственниковъ, и, послѣ праздниковъ, возвращаясь въ корпусъ, неохотно принимались за работу. Головнинъ не зналъ этихъ развлеченій: трудъ,

ученіе, размышленіе—были его забавою и отрадою. Это одиночество дѣтскихъ лѣтъ, устранивъ его отъ шумныхъ удовольствій и суетъ, придало характеру его твердость, самостоятельность и какое-то отчужденіе отъ обществъ свѣтскихъ, которыя онъ во всю свою жизнь посѣщалъ только по долгу и необходимости. Въ 1790 году, чрезъ два года по вступленіи въ корпусъ, произведенъ онъ былъ, за успѣхи въ наукахъ и благонравное поведеніе, въ гардемарины, и отправленъ въ море на кораблѣ *Нетроньменя*, подъ начальствомъ капитана Гревенина. 23 и 24-го мая онъ находился на этомъ кораблѣ, въ эскадрѣ вице-адмирала Круза, въ сраженіи русскаго флота съ герцогомъ Зюдерманландскимъ, при островѣ Сескарѣ.

Пораженные здѣсь Шведы удалились въ Выборгскій заливъ, гдѣ были заперты Чичаговымъ. Густавъ рѣшился пробиться, и 22-го іюня самъ повелъ свои корабли изъ залива, подъ непрерывнымъ огнемъ русскаго флота. Головнинъ на-

ходился, во время этого сраженія, на томъ же кораблѣ *Нетронь-меня*, который стоялъ тогда между мысомъ Крюсеропортомъ и банкою Сальваромъ. Четырнадцати лѣтній гардемаринъ, за оказанную имъ въ трехъ сраженіяхъ храбрость, былъ награжденъ медалью. Въ 1791 году онъ былъ произведенъ въ капралы, а въ 1792 году въ сержанты. Въ этихъ годахъ онъ находился въ морѣ на корабляхъ: *Три-Святителя* (капитанъ Мосоловъ), *Изяславъ* (капитанъ Сиверсъ) и *Прохоръ* (капитанъ Скорбѣевъ). Въ 1792 году слѣдовало ему быть выпущеннымъ изъ корпуса въ офицеры, но этому встрѣтилось препятствіе: онъ кончилъ на семнадцатомъ году курсъ наукъ, который положено оканчивать на восьмнадцатомъ, и оставленъ былъ въ корпусѣ по малолѣтству. Сверстники, не имѣвшіе равнаго съ нимъ числа балловъ (онъ на экзаменѣ занялъ второе мѣсто изъ всѣхъ), надѣли офицерскіе мундиры, а онъ остался въ кадетскомъ. Горькая участь для молодаго, честолю-

биваго человѣка! Но это непріятное происшествіе послужило ему въ существенную пользу. До того времени, онъ занимался исключительно изученіемъ главныхъ предметовъ знанія, необходимыхъ для морской службы—науками математическими. Теперь обратилъ онъ вниманіе свое на предметы словесности и исторію, изучалъ собственнымъ трудомъ ѳизику и естественную исторію; съ жадностью любопытствомъ читалъ книги о морскихъ походахъ и битвахъ, о путешествіяхъ въ дальнія, неизвѣстныя страны, о великихъ географическихъ открытіяхъ. Цѣлый міръ славы и чести представлялся пламенному юношѣ. Чтеніе англійскихъ моралистовъ укрѣпило его нравственныя силы, познакомило съ достоинствомъ человѣка, научило познавать себя, владѣть собою, отличать истинную честь и славу отъ тщеславія и наружнаго блеска, а описанія морскихъ путешествій поселили въ немъ непреодолимую страсть къ путешествіямъ. Наступило вожделенное время выпуска.

Это было въ январѣ 1793 года. Головнинъ, сдѣлавшись господиномъ своего времени, не тратилъ его на забавы и развлеченія; онъ воспользовался имъ для довершенія своего образованія: продолжалъ учиться англійскому и французскому языкамъ, читалъ книги, самъ задавалъ себѣ вопросы. Но вскорѣ обязанности службы отвлекли его отъ мирныхъ занятій кабинетныхъ. Родственники совѣтовали ему заняться устройствомъ своихъ домашнихъ дѣлъ, и для того посѣтить родовое свое имѣніе, которое было въ чужихъ рукахъ, и приходило съ году на годъ въ большее разстройство. Онъ не рѣшился на это, и хотѣлъ лучше потерять свое имущество, нежели упустить случай къ трудамъ, подвигамъ и отличію. Продолжая службу, онъ надѣялся имѣть возможность путешествовать.

Дѣйствительно, съ самаго начатія службы, онъ почти безпрерывно находился въ походахъ и за границею. Въ 1793 и 1794 годахъ на военномъ транспортѣ

Анна Маргарита, (капитанъ Креницынъ) ходилъ онъ въ Стокгольмъ, съ посломъ нашимъ графомъ С. П. Румянцовымъ. Въ маѣ 1795 года Головинъ отправился въ море на кораблѣ *Рафаилъ* (сначала капитанъ Игнатьевъ, а послѣ капитанъ Урлихъ), во вспомогательной эскадрѣ вице-адмирала Ханыкова, посланной въ Англію въ то время, когда Императрица Екатерина, прекративъ сношенія съ Франціею, и желая сблизиться съ Великобританіею, одобрила предложеніе англійскаго кабинета о заключеніи тройнаго союза противъ Франціи, изъ Россіи, Англіи и Австріи. На *Рафаилѣ* и на фрегатѣ *Нарва* (капитанъ Трескинъ) В. М. Головинъ ходилъ нѣсколько разъ въ Англію и Норвегію и въ октябрѣ 1796 года возвратился въ Кронштатъ. Въ 1797 году онъ былъ назначенъ на корабль *Константинъ* (капитанъ Гревенсъ), и затѣмъ флагъ офицеромъ къ адмиралу Крузу, на корабль *Св. Николай* (капитанъ графъ Капеласъ), и находился въ эскадрѣ, со-

стоявшей подъ личнымъ начальствомъ Императора Павла. Въ 1797 и 1798 годахъ ходилъ онъ въ Сѣверное море и въ Англію на корабляхъ: *Ретвизанъ* (капитанъ Грейгъ), *Елисавета* (капитанъ Шишковъ), и *Сѣверный Орелъ* (капитанъ Свитинъ). Въ 1798 году онъ опять отправился въ Англію на кораблѣ *Елисавета* въ должности флагъ-офицера (22) и переводчика при главнокомандующемъ русскою вспомогательною эскадрою, вице-адмиралѣ Макаровѣ, и въ августѣ 1799 года участвовалъ въ высадкѣ десанта (23) на берега Голландіи и въ нѣсколькихъ бывшихъ при томъ сраженіяхъ, которыя, не взирая на упорное сопротивленіе Голландцевъ, кончились въ пользу Русскихъ и Англичанъ. Макаровъ, замѣтивъ необыкновенныя дарованія и отличную службу Головнина, возлагалъ на него важнѣйшія порученія. Въ 1799 году произведенъ онъ былъ, по представленію Макарова, за отличіе въ лейтенанты, а въ 1800 г. воротился въ Россію. Въ этомъ

году и въ слѣдующемъ Головинъ ходилъ въ море на корабляхъ: *Ростиславъ* (капитанъ Талакшеевъ) и *Всеволодъ* (капитанъ Гревенсъ). Одно исчисленіе судовъ, на которыхъ онъ находился въ морѣ, доказываетъ, что онъ постоянно искалъ дѣйствительной морской службы, и старался проводить большую часть года подъ парусами, а не на берегу.

По вступленіи на престолъ Императора Александра, водворился общій миръ въ Европѣ, и нашей морской силѣ не предвидѣлось никакихъ новыхъ подвиговъ. Головинъ много пріобрѣлъ знанія и опытности въ предшествовавшихъ походахъ, почувствовалъ, что этого еще мало, особенно когда сравнивалъ себя въ образованіи съ англійскими морскими офицерами, которыхъ ему случалось видѣть. Вскорѣ представилась ему возможность дополнить свое морское образованіе. Въ 1801 году былъ онъ отправленъ на три года въ Англію, въ числѣ нѣсколькихъ волонтеровъ, из-

бранныхъ изъ лучшихъ морскихъ офицеровъ, для служенія на англійскомъ флотѣ. Бывшій тогда морской министръ, адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, отправляя ихъ въ Англію, сказалъ имъ: «Вы должны знать, что васъ Государь посылаетъ служить въ англійскій флотъ не на одинъ только тотъ конецъ, чтобъ вы тамъ учились корабельнымъ маневрамъ, но вы обязаны входить и узнавать внутреннее устройство и хозяйство всего морскаго департамента, и сверхъ того, при случаѣ, замѣчать и узнавать состояніе земледѣлія, мануфактуръ, торговли и пр., дабы быть въ состояніи употребить ваши свѣдѣнія на пользу отечества, въ служеніи коему вы можете занять современемъ значительныя мѣста.» Головнинъ всегда помнилъ это наставленіе, и въ полной мѣрѣ воспользовался случаемъ для обогащенія себя полезными свѣдѣніями. По прибытіи въ Англію, занимался онъ неутомимо высшими науками по своей части, жилъ тихо, отказывалъ себѣ во всемъ, чтобъ только

пользоваться уроками первостепенныхъ профессоровъ. Обогатившись теоретическими свѣдѣніями, поступилъ онъ на дѣйствительную службу на британскомъ флотѣ. Головнинъ служилъ на разныхъ корабляхъ и въ разныхъ частяхъ свѣта, подъ начальствомъ знаменитыхъ англійскихъ адмираловъ Корнваллиса, Нельсона, Коллингвуда, обратилъ на себя ихъ вниманіе, и пріобрѣлъ уваженіе всѣхъ своихъ сослуживцевъ. Онъ находился при блокадѣ Тулона (въ августѣ 1804 г.), а ночью съ 19-го на 20-е января 1805 года, участвовалъ въ весьма опасномъ сраженіи, въ заливѣ Сервера, у береговъ Испаніи. При абордажѣ греческаго пирата гребными судами, посланными съ англійскаго фрегата *Фисгардъ*, Головнинъ вызвался добровольно участвовать въ абордажѣ (24). Англичане потеряли въ этомъ дѣлѣ четвертую часть своихъ людей. Командиръ *Фисгарда*, лордъ Маркеръ, съ величайшею похвалою отзывался о неустрашимости, оказанной въ этомъ дѣлѣ лейтенантомъ Головнинымъ.

Въ 1805 году кончился срокъ службы его въ Англіи, но желая побывать въ Вестъ-Индіи, испросилъ онъ позволеніе на то посла нашего, графа Семена Романовича Воронцова, и прослужилъ еще годъ въ англійскомъ флотѣ, на своемъ иждивеніи. Передъ отправленіемъ въ Вестъ-Индію, онъ послалъ морскому министру Чичагову сравнительныя замѣчанія свои о состояніи русскаго и англійскаго флотовъ—плодъ основательнаго изученія службы и устройства того и другаго. Возвратясь изъ Вестъ-Индіи онъ находился при блокадѣ Кадикса Коллингвудомъ, въ мартѣ 1806 года, а въ августѣ того же года прибылъ въ Петербургъ, чрезъ Стокгольмъ и Финляндію, съ депешами отъ посланника нашего въ Лондонѣ, графа Строгонова. Въ томъ же году, вскорѣ по прибытіи въ Россію, назначенъ онъ былъ командиромъ шлюпа (25) *Діана*, назначавшагося въ кругосвѣтное путешествіе. Шлюпъ долженъ былъ отправиться въ путь лѣтомъ 1807 года. Время, оставав-

шееся отъ заботъ о вооруженіи шлюпа, Головнинъ употребилъ на составленіе книги: «Военные морскіе сигналы для дневнаго и ночнаго времени, по новой системѣ, введенной тогда въ Англіи.» Эти сигналы были потомъ въ употребленіи на русскомъ флотѣ въ теченіи двадцати четырехъ лѣтъ. Главнымъ предметомъ экспедиціи шлюпа *Діана* были географическія открытія и описи въ сѣверной части Великаго Океана, преимущественно въ предѣлахъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвезеніе въ Охотскій портъ разныхъ морскихъ припасовъ.— 25-го іюля *Діана* снялась съ якоря. Головнинъ отправился въ путешествіе, которое долженствовало быть для него такъ славно и такъ ужасно.

Экипажъ *Діаны* составленъ былъ изъ отборныхъ людей, и снабженъ всѣмъ нужнымъ для долговременнаго путешествія и для произведенія ученыхъ наблюденій. Первымъ помощникомъ испросилъ онъ себѣ, перваго своего друга, лейтенанта П. И. Рикорда. В. М. Головнинъ умѣлъ со-

четать искренность дружества со всею строгостію, какой требуетъ служба, и служба флотская. Онъ былъ готовъ, при помощи усердныхъ и неустрашимыхъ товарищей своихъ, бороться со всѣми препятствіями, какія только природа противопоставитъ его плаванію, готовъ былъ, въ случаѣ нужды, выдержать и неравный бой, но съ нимъ встрѣтились обстоятельства, которыхъ ни онъ и ни кто другой не могъ предвидѣть. За мѣсяцъ до отбытія его изъ Кронштата, заключенъ былъ миръ Россіи съ Франціею, въ Тильзитѣ, разумѣется безъ согласія и противъ желанія Англіи, но отъ этого было еще далеко до дѣйствительнаго разрыва долговременной дружбы и союза ея съ Россіею. Между тѣмъ, по прибытіи къ берегамъ Даніи, Головинъ узналъ о нападеніи Англичанъ на нейтральную Данію; Копенгагенъ былъ въ осадѣ съ моря и съ суши. Онъ хотѣлъ освѣдомиться о положеніи дѣлъ у нашей мисіи, а посланникъ, со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ,

былъ въ Роскильдѣ. Нашъ мореплаватель, былъ свидѣтелемъ бомбардированія Копенгагена англійскимъ флотомъ, рѣшился продолжать предписанный ему путь; пришелъ въ Портсмутъ 6-го сентября, и принужденъ былъ пробыть тамъ два мѣсяца, чтобъ запастись многими необходимыми инструментами и другими вещами. Между тѣмъ слухи о войнѣ Англіи съ Россіею становились громче и повсемѣстнѣе. Въ этихъ обстоятельствахъ Головнинъ обратился къ нашему посольству съ просьбою исходатайствовать ему у англійскаго правительства паспортъ, какіе даются судамъ, плавающимъ для открытій и съ ученою цѣлью. Правительство согласилось и выдало паспортъ на свободное и безопасное плаваніе шлюпа. *Діана* отправилась въ путь 1-го ноября, и останавливалась только у острова Св. Екатерины, при берегахъ Бразиліи, чтобы запастись нужною провизіею. Головнинъ намѣренъ былъ достигнуть Камчатки Тихимъ океаномъ, обогнувъ мысъ Горнъ.

Встрѣченныя тутъ жестокія бури, заставили его спуститься къ мысу Доброй Надежды, съ тѣмъ, чтобъ, исправясь и освѣжась тамъ, плыть въ Камчатку уже вокругъ Новой Голландіи. На мысѣ, вмѣсто отдыха, ожидалъ его плѣнъ. Выше было сказано, что ожиданіе разрыва между Россіею и Англіею, еще до отправленія *Діаны* изъ Европы, побудило Головнина взять на этотъ случай паспортъ отъ англійскаго правительства. Но этотъ документъ, подписанный въ тотъ самый день, когда объявлена была между обѣими державами война, послужилъ къ тому только, что шлюпъ, не былъ въ тоже время осужденъ, какъ законный призъ, и что его задержали подъ сомнѣніемъ, до полученія разрѣшенія изъ Англіи. Въ ожиданіи сего, Головнинъ приготовлялъ свое судно къ походу. Но чрезъ восемь мѣсяцевъ, по прибытіи изъ Англіи нѣкоторыхъ депешъ, въ которыхъ будто бы о *Діанѣ* не упоминалось, начальствовавшій Капскою станціею (26) адмиралъ вынудилъ,

у Головнина письменное обязательство не уходить изъ залива безъ разрѣшенія, грозя, въ случаѣ несогласія его на это предложеніе, свезти экипажъ на берегъ какъ плѣнный, и держать шлюпъ подъ англійскимъ карауломъ. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, безъ всякихъ будто бы извѣстій изъ Англіи. Молчаніе это могло быть изъяснено только расчетомъ, что Головнинъ, не находя наконецъ средствъ содержать и продовольствовать свою команду, долженъ будетъ согласиться на все. Съ этою же цѣлію, конечно, англійскій адмиралъ не только не оказывалъ ему ни въ чемъ ни малѣйшаго пос бія, но еще дѣлалъ разныя притѣсненія, напримѣръ требуя, чтобы русскіе матросы были посылаемы работать на англійскія суда, въ чемъ однако Головнинъ прямо отказалъ ему. «Увѣрившись,» говоритъ Головнинъ, «что въ этомъ дѣлѣ, между Англичанами и мною, справедливость на моей сторонѣ, я рѣшился, не теряя перваго удобнаго случая, извлечь порученную мнѣ коман-

ду изъ угрожавшей намъ крайности—уйти изъ залива и плыть прямо въ Камчатку.»

«Чтобъ оцѣнить всю смѣлость этой мысли,» говоритъ вице-адмиралъ Врангель, въ біографіи В. М. Головнина, «нужно замѣтить, что шлюпъ *Діана* былъ поставленъ въ дальнѣйшемъ углу залива, возлѣ адмиральскаго корабля, и окруженъ многими другими кораблями и фрегатами, мимо которыхъ непремѣнно должно было проходить, что всѣ паруса были на немъ отвязаны, что, сверхъ того ни офицеры, ни команда не имѣли ни куска свѣжей провизіи, а сухарей было очень мало. Для успѣшнаго преодолѣнія всѣхъ этихъ препятствій требовалось большой рѣшимости, и столько же благоразумія и предусмотрительности.»

Долго не было случая, благопріятствовавшаго исполненію намѣренія Головнина: когда вѣтеръ способствовалъ, тогда на рейдѣ стояли фрегаты совсѣмъ готовые идти въ море, а когда съ этой

стороны было безопасно — удерживалъ его вѣтеръ. Нѣсколько разъ днемъ, свѣжій вѣтеръ, попутный ему, начиналъ дуть, и Головнинъ всегда приготовлялся въ такихъ случаяхъ къ походу, но къ ночи вѣтеръ или стихалъ, или совсѣмъ перемѣнялся и дѣлался противнымъ.

«Я зналъ,» говоритъ онъ, «что во всѣхъ гаваняхъ и рейдахъ, лежащихъ при высокихъ гористыхъ берегахъ, вѣтры очень часто дуютъ не тѣ, какіе въ то же время бываютъ въ открытомъ морѣ, а потому хотѣлъ точно узнать, какое здѣсь имѣютъ отношеніе прибрежные вѣтры къ морскимъ; на сей конецъ я часто ѣзжалъ на шлюпкѣ въ Фалсъ-бей, бралъ съ собою компасъ, и замѣчалъ силу и направленіе вѣтра; на шлюпѣ дѣлалось въ тѣ же часы тоже. 16-го мая, сдѣлался крѣпкій вѣтеръ отъ сѣверо-запада; на вице-адмиральскомъ кораблѣ паруса не были привязаны, а другія военныя суда, превосходившія силою *Діану*, не были готовы идти въ море; и хотя, по сигналамъ съ горы, мы знали, что вид-

ны были два судна, лавирующія (27) въ заливъ, которыя могли быть военныя, и можетъ быть фрегаты, но такъ какъ имъ невозможно было приблизиться къ выходу прежде ночи, а положеніе наше оправдывало всякій рискъ, то, приготовясь къ походу, и въ сумеркахъ, тихо безъ шуму, привязавъ штормовые стаксели (28), въ половинѣ седьмаго часа вечера, при нашедшемъ тогда сильномъ шквалѣ съ дождемъ и пасмурностью, я велѣлъ отрубить канаты, и поворотясь на шпрингѣ (29), пошелъ подъ штормовыми стакселями въ путь. Едва успѣли мы перемѣнить мѣсто, какъ со стоявшаго недалеко отъ насъ судна тотчасъ въ рупоръ (30) дали знать на вице-адмиральскій корабль о нашемъ вступленіи подъ паруса. Какія мѣры были приняты, чтобъ остановить насъ, мнѣ неизвѣстно. На шлюпѣ во все время была сохраняема глубокая тишина. Миновавъ всѣ суда, мы, спустясь въ проходъ, въ ту же минуту начали поднимать брамъстеньги и привязывать паруса. Офице-

ры, гардемарины, унтеръ-офицеры и рядовые всѣ работали до одного на марсахъ и реяхъ (31). Съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминаю, что въ два часа они успѣли, не взирая на крѣпкій вѣтеръ, дождь и на темноту ночи, привязать фокъ, гротъ (32) и марсели (33) и поставить ихъ; выстрѣлить брамъ-стеньги (34) на мѣста, поднять брамъ-реи (35) и брамсели поставить; поднять на свои мѣста лисель-спирты (36), продѣть всѣ лиселъныя снасти и изготовить лисели такъ, что еслибъ вѣтеръ позволилъ, то мы могли бы вдругъ поставить всѣ паруса. Въ десять часовъ вечера мы были въ открытомъ океанѣ. Такимъ образомъ кончилось наше задержаніе, или, лучше сказать, нашъ арестъ на мысѣ Доброй Надежды, продолжавшійся одинъ годъ и 25 дней.»

Намѣреніе Головнина было скорѣе удалиться къ югу, плыть въ большихъ широтахъ прямо къ востоку, и обогнувъ Новую Голландію, не приходя на видъ береговъ оной, пройти между

єю и Новою Зеландіею; идти по восточную сторону Ново Гебридскаго архипелага и, пройдя между Каролинскими островами, править прямо къ Камчаткѣ. Разстояніе было велико; время коротко, и главнаго провіанта, сухарей, немного, такъ что онъ принужденъ былъ производить командѣ менѣе двухъ третей регламентной порціи. Но планъ его удался во всемъ, по его желанію. День и ночь *Діана* несла всевозможные парусa. Офицеры и нижніе чины были неутомимы. Головнинъ заходилъ только на островъ Тану, одинъ изъ Ново-Гебридскихъ, на которомъ со временъ Кука не бывалъ никто изъ мореплавателей, и 23-го сентября благополучно прибылъ въ Камчатку.

«Камчатка,» говоритъ онъ въ описаніи своего путешествія, «представляла намъ картину, какой мы еще никогда невидали: множество сопокъ и превысокихъ горъ, съ соединяющими ихъ хребтами, были покрыты снѣгомъ, а подъ ними чернѣлись вдали лѣса и равнины.

Нѣкоторыя изъ вершинъ горъ походили на башни, а другія имѣли видъ ужасной величины шатровъ, что подало повадъ острякамъ изъ нашихъ матросовъ сказать, что тутъ чертъ лагеремъ расположился. Мысль эта была удачна, и въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что Мильтонъ въ своей поэмѣ: «Потерянный Рай» не могъ бы лучше уподобить военный станъ сатаны, когда онъ велъ войну противъ ангеловъ, какъ еслибъ сравнилъ его съ камчатскими горами въ осеннее время.»

За благополучное совершеніе многотруднаго путешествія Головнинъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 степени, получивъ уже прежде того, 26-го ноября 1807 года (на тридцать первомъ году отъ рожденія), орденъ Св. Георгія за осьмнадцать морскихъ кампаній.

Путешествіе на шлюпѣ *Діана* описано В. М. Головнинымъ и напечатано въ 1819 году. Двѣ зимы 1809-10 и 1810-11 годовъ В. М. Головнинъ провелъ въ Камчаткѣ. Въ это время онъ объѣхалъ весь полу-

островъ, и собралъ множество любопытныхъ замѣчаній объ этомъ отдаленномъ краѣ. Замѣчанія сіи заключаются въ напечатанномъ сочиненіи его: «Двукратное зимованіе въ Камчаткѣ и плаваніе къ сѣверозападнымъ берегамъ Америки.» Въ маѣ 1810 года онъ вышелъ изъ Авачинской губы и отправился къ этимъ берегамъ для описи (37), и чтобъ отвести значительное количество хлѣба въ колоніи Россійско-Американской компаніи, которыя, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, должны были терпѣть большой недостатокъ въ хлѣбѣ. Голодъ, свирѣпствовавшій за нѣсколько времени предъ тѣмъ, имѣлъ даже слѣдствіемъ заговоръ нѣсколькихъ промышленниковъ, которые условились убить главнаго правителя г. Баранова, и, овладѣвъ однимъ изъ судовъ компаніи, отправиться на Сандвичевы острова. Къ счастію, Барановъ открылъ заговоръ и схватилъ виновныхъ. Головщикъ прибылъ въ Ново-Архангельскъ, когда еще этотъ замѣчательный человѣкъ управлялъ колоніями Россійско-

Американской компаніи. Описывая бѣдственное положеніе колоній въ то время, В. М. отдаетъ полную справедливость необыкновенному уму, твердости и дѣятельности г. Баранова. Барановъ получивъ отъ русскаго генеральнаго консула въ Соединенныхъ Штатахъ Дашкова извѣстіе, что колоніямъ угрожаетъ нападеніе корсаровъ (38), просилъ В. М. Головнина остаться со шлюпомъ въ Ново-Архангельскѣ до сентября, и потому *Діана* возвратилась въ Камчатку только осенью 1810 года. Въ этомъ году В. М. произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты.

Въ 1811 году возложено было на Головнина описать южные Курильскіе острова, Шантарскіе острова и Татарскій берегъ. Въ теченіе лѣта 1811 г. онъ занимался этимъ дѣломъ, пока не постигло его ужасное несчастіе—плѣнъ въ Японіи, который продолжался слишкомъ два года. Результаты помянутыхъ дѣйствій онъ напечаталъ, въ 1819 г., подъ заглавіемъ: «Сокращенныя записки флота ка-

питанъ-лейтенанта Головнина о плаваніи его на шлюпѣ *Діана* для описи Курильскихъ острововъ въ 1811 году.»

Во время этой описи остановился онъ у острова Кунашира, въ заливѣ, населенномъ Японцами, и намѣревался наліться свѣжею водой и запастись дровами. Японцы были тогда озлоблены, противъ Русскихъ, за нападенія на ихъ берега, сдѣланныя за нѣсколько лѣтъ до того командирами двухъ судовъ Российско-Американской компаніи, Хвостовымъ и Давыдовымъ, безъ вѣдома нашего правительства. Они сначала опасались подобныхъ поступковъ и отъ Головнина; но въ послѣдствіи, по видимому, успокоились и обходились съ нимъ привѣтливо, пока не удалось имъ заманить Головнина въ самую крѣпость, гдѣ захватили его и бывшихъ съ нимъ на берегу мичмана Мура, штурмана Хлѣбникова и четырехъ матросъ; связали ихъ по рукамъ и по ногамъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ и подъ сильнымъ карауломъ, влекли несчастныхъ плѣ-

никовъ четыре недѣли черезъ города и селенія до города Хакодаде; тамъ посадили ихъ въ небольшія клѣтки, поставленныя въ темномъ сараѣ, каждаго особо, и черезъ семь недѣль мучительнаго заключенія привели въ городъ Матсмай. Здѣсь положеніе ихъ улучшилось. Имъ оказывали состраданіе и заботились о ихъ здоровьѣ. Близость моря внушила плѣнникамъ мысль спастись бѣгствомъ. Зная трусость Японцевъ, они надѣялись овладѣть однимъ изъ стоявшихъ близъ берега или лежавшихъ на берегу судовъ, и на немъ достигнуть Камчатки. Всѣ, кромѣ Мура, согласились на это отчаянное предпріятіе, которое однако не увѣнчалось успѣхомъ: на девятый день скитанія по верхамъ горъ и въ глубинахъ овраговъ, Японцы ихъ окружили и привели обратно въ тюрьму. Послѣ этого неудачнаго покушенія, Японцы не отягчили однако же участи плѣнниковъ, и не переставали оказывать имъ состраданіе и заботливость, при усиленныхъ впрочемъ мѣрахъ осторожности.

Между тѣмъ лейтенантъ Рикордъ, вступивъ въ командованіе шлюпомъ, принялъ самыя благоразумныя мѣры для освобожденія Русскихъ, вѣроломно захваченныхъ Японцами. Онъ поспѣшилъ опять въ Охотскъ, ѣздилъ въ Иркутскъ, и возвратился съ новыми полномочіями; въ слѣдующемъ 1812 году пришелъ къ японскимъ берегамъ на двухъ судахъ, но не могъ вступить ни въ какіе переговоры; наконецъ, захвативъ въ плѣнъ именитаго купца *Такатая Кахи*, возобновилъ въ 1813 году, при содѣйствіи этого умнаго и благороднаго Японца, дѣло освобожденія, и на этотъ разъ съ желаннымъ успѣхомъ: чрезъ двадцать шесть мѣсяцевъ и двадцать шесть дней заточенія, возвращенъ былъ Головнинъ съ товарищами на шлюпъ *Діана*, въ заливѣ Хакодаде, 1-го октября 1813 года. Во время заключенія своего въ Японской тюрьмѣ, В. М. Головнинъ выказалъ всю твердость духа своего и благородство образа мыслей. Изъ тюрьмы писалъ онъ 12 апрѣля 1813 года П. И.

Рикорду: «Знайте, гдѣ честь Государя и польза отечества требуютъ, я тамъ жизнь мою въ копѣйку не ставлю, а потому и вы меня не должны щадить въ такихъ случаяхъ.» Далѣе, ужасаясь представившейся ему мысли, что сослуживцы его, которые столько стараются о его освобожденіи, могутъ быть сами взяты Японцами, онъ пишетъ: «Желалъ бы васъ увидѣть и обнять на *Діапѣ*, или въ Европѣ, но здѣсь—Боже сохрани! Хочу лучше умереть самою мучительною смертью, нежели видѣть кого нибудь изъ моихъ соотечественниковъ въ подобномъ несчастіи, а не только друзей своихъ.»

Описаніе Японскаго плѣна, составленное Головнинымъ, было напечатано въ 1816 году. Оно переведено на многіе европейскіе языки, и обратило на себя особенное вниманіе въ Англіи, гдѣ, равно какъ и во Франціи, Голландіи и въ Германіи, имѣло нѣсколько изданій, и, въ сокращеніи, вошло въ библіотеки для

ношества на ряду съ нѣкоторыми классическими сочиненіями.

22-го іюля 1814 года, ровно чрезъ семь лѣтъ по отбытіи своемъ, Головнинъ возвратился въ С. Петербургъ. Въ воздаяніе за труды свои и страданія онъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга (27 іюля 1814 года), и получилъ пожизненный пенсіонъ по 1500 рублей ассигнаціями въ годъ.

Въ 1816 году В. М. Головнинъ избранъ былъ въ почетные члены государственнаго адмиралтейскаго департамента, а въ 1817 году назначенъ начальникомъ новой кругосвѣтной экспедиціи. Онъ былъ тогда обрученъ съ дочерью тверскаго помѣщика, служившаго въ царствованіе Императрицы Екатерины поручикомъ въ Преображенскомъ полку, С. В. Луткобскаго, дѣвицею Евдокіею Степановною. Предпочитая исполненіе долга службы собственному счастію, онъ рѣшился отложить совершеніе брака до возвращенія, и только чрезъ два года, и именно 15 октября 1819 года, всту-

пилъ въ союзъ, въ которомъ нашелъ отраду и утѣшеніе. «Положеніе, въ какомъ я находился во время разлуки съ невѣстой,» говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, «можно легче себѣ представить, нежели описать.»

26-го августа 1817 года, онъ отправился въ путь, на шлюпѣ *Камчатка*: заходилъ въ Портсмутъ, Ріо-Жанейро, и обошелъ, въ январѣ 1818 года, мысъ Горнъ, гдѣ терпѣлъ сильныя бури, заходилъ въ Лиму, и въ маѣ прибылъ въ Камчатку[1].

Здѣсь онъ нашелъ начальникомъ области—друга своего и сослуживца П. И. Рикорда. Онъ говоритъ объ этомъ въ описаніи своего путешествія: «Не могу умолчать о счастливой перемѣнѣ, послѣдовавшей въ Камчаткѣ отъ новаго преобразованія правленія оной и отъ опредѣленія въ начальники оной одного изъ самыхъ справедливѣйшихъ людей, который, живши здѣсь нѣсколько лѣтъ, имѣлъ случай и способность вникнуть въ дѣла сей страны.»

Изъ Камчатки Головнинъ отправился къ Командорскимъ и Алеутскимъ островамъ, приставалъ къ Кадьяку, заходилъ въ портъ Ново-Архангельскъ, къ крѣпости Россъ, въ порты Монтерей и Румянцова, къ Сандвичевымъ островамъ, Маріанскимъ и въ Манилу.

Въ 1819 году онъ заходилъ на островъ Св. Елены, который служилъ въ то время мѣстомъ заточенія знаменитому узнику—Наполеону, на острова Асорскіе, въ Англію, и 5-го сентября прибылъ въ Кронштатъ, совершивъ путешествіе вокругъ свѣта въ два года и десять дней. Описаніе путешествія на шлюпѣ *Камчатка* издано В. М., въ 1822 году, въ двухъ частяхъ.

Въ 1819 году былъ онъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, а въ 1821 году, съ производствомъ въ капитанъ-командоры, былъ назначенъ помощникомъ директора морскаго кадетскаго корпуса. Въ это время, В. М. Головнинъ перевелъ на русскій языкъ нѣсколько полезныхъ книгъ.

25-го апрѣля 1823 года, назначенъ

онъ былъ флота генералъ-интендантомъ. Чтобъ понять важность и затруднительность этой должности, надлежитъ знать, что въ вѣдѣніи генералъ-интенданта находятся всѣ корабельныя постройки и береговыя зданія адмиралтейскаго вѣдомства отъ Риги до Камчатки, за исключеніемъ только черноморскихъ портовъ. Чрезъ полтора года по вступленіи его въ эту должность, случилось ужасное наводненіе (7-го ноября 1824 года), причинившее страшный вредъ въ Петербургѣ, и вообще по берегамъ Финскаго залива. Генералъ-интенданту предстояло много трудовъ и заботъ, чтобъ исправить поврежденія, причиненныя наводненіемъ въ мѣстахъ подлежащихъ его вѣдѣнію. За успѣшныя дѣйствія свои пожалованъ онъ былъ, въ сентябрѣ 1825 г., орденомъ Св. Владиміра 2-й степени.

Со вступленіемъ на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора началась, для русскаго флота, новая эра. Во всѣхъ адмиралтей-

ствахъ Россіи появилась невиданная дотолѣ дѣятельность, такъ напримѣръ, линейные корабли строились въ Петербургѣ по три въ годъ, въ Архангельскѣ по два. Не говоримъ уже о фрегатахъ и другихъ судахъ. Кромѣ постройки, надлежало заботиться о вооруженіи ихъ и снабженіи припасами. Головинъ неусыпно и усердно отправлялъ многотрудную свою должность, сопряженную со строгою отвѣтственностію. Зная морскую службу во всѣхъ ея подробностяхъ, генералъ-интендантъ могъ слѣдить за всѣми исполнителями его предписаній: замѣчалъ, исправлялъ всякую ошибку, взыскивалъ за неисправность, неумолимо преслѣдовалъ злоупотребленія. Строгій къ самому себѣ, недоступный корыстолюбію, гнушавшійся пользоваться случаемъ, онъ шелъ прямою дорогою, неоглядываясь въ стороны: долгъ службы, честь и правда были его закономъ и щитомъ. На печати его вырѣзанъ былъ стихъ Жуковскаго: «за правыхъ Провидѣнье.»

Въ 1826 году былъ онъ переименованъ изъ капитанъ-командоровъ въ генералъ-маіоры, а въ 1827 году, при новомъ образованіи морскаго министерства, поступили подъ его начальство, по званію генералъ-интенданта, департаменты кораблестроительный, коммисаріатскій и артиллерійскій. Съ сею новою должностью увеличились до чрезвычайности труды и отвѣтственность. Съ упованіемъ на Бога и Государя, онъ не унывалъ, но продолжалъ службу по прежнему: по присягѣ, по совѣсти и по крайнему разумѣнію. Въ 1827 г. былъ онъ назначенъ членомъ комитетовъ образованія флота и устройства управленія корабельныхъ лѣсовъ, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ, и получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени; въ 1830 году тотъ же орденъ съ Императорскою короною, и въ томъ же году произведенъ въ вице-адмиралы. Въ управленіе Головнина интендантскою частью, съ 25-го апрѣля 1825 года по 30-е іюня 1851 года, по-

строены были на балтійскихъ верфяхъ и въ Архангельскѣ: линейныхъ кораблей 26, фрегатовъ 21, шлюповъ 2, бриговъ 21, люгеровъ 3, шкунъ 8, яхтъ 3, пароходовъ 10, транспортовъ 12, канонерскихъ лодокъ 53, іоловъ 10, ботовъ 35, кромѣ разныхъ другихъ судовъ, и для вооруженія ихъ заготовлено соразмѣрное количество снарядовъ и припасовъ. Флотъ, вышедшій въ море въ 1830 году, состоялъ уже изъ 25 линейныхъ кораблей, 17 фрегатовъ, 32 бриговъ и шлюповъ, 34 мелкихъ судовъ и 5 пароходовъ, и имѣлъ 3343 пушки.

Головнинъ былъ тогда въ полной силѣ мужества, въ той порѣ, въ которой человѣкъ, искушенный и укрѣпленный опытомъ и разсудкомъ, но еще не обезсиленный недугами и дряхлостью, можетъ быть истинно полезенъ Государю и отечеству своею службою, семейству своему примѣромъ и подпорою. Еще долгіе годы благородныхъ подвиговъ обѣщала всѣмъ эта жизнь, и вдругъ она прекратилась отъ душевнія тле-

творной язвы. Въ іюнѣ 1831 года разразилась въ С. Петербургѣ губительная холера. Почувствовавъ первые приступы, Головинъ счелъ ихъ обыкновеннымъ припадкомъ разстройства въ желудкѣ, и принялъ домашнія средства, но болѣзнь вдругъ усилилась. Послали за врачемъ. Медицинскія пособія оказались тщетными. Болѣзнь дѣйствовала съ ужасающею силою, и чрезъ нѣсколько часовъ его не стало (30-го іюня). Тѣло его предано было землѣ на холерномъ кладбищѣ, нынѣшнемъ Митрофаніевскомъ.

Выше сего было сказано о разныхъ сочиненіяхъ Василія Михайловича. Онъ учился русскому языку въ то время, когда примѣръ, поданный Карамзинымъ, еще не дѣйствовалъ на книжный языкъ. Слогъ его не во всемъ подходитъ къ нынѣшнему, но онъ правиленъ, простъ, ясенъ и выразителенъ. Нѣтъ ни фразъ, ни восклицаній. Вездѣ мысль, дѣло, правда и откровенность.

Кромѣ званій по флоту, В. М. былъ

членомъ совѣта россійско-американской компаніи, учрежденнаго при правленіи этой компаніи, корреспондентомъ Императорской академіи наукъ, членомъ вольнаго экономическаго общества, вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ и почетнымъ членомъ харьковскаго университета. Именемъ его названы слѣдующія мѣста: Заливъ Головнина, въ Беринговомъ проливѣ, на американскомъ берегу, по юго-западную сторону мыса Дерби, открытый капитаномъ Хромченко въ 1821 году; проливъ Головнина, между Курильскими островами Райкокс и Матуа; капитанъ Рикордъ проходилъ здѣсь въ 1812 году; мысъ Головнина, близъ мыса Лисбурна, оконечность русской Америки, и гора Головнина, на Новой Землѣ, къ востоку отъ Маточкина шара подъ 71° широты.

В. М. Головнинъ былъ роста средняго; глаза его блистали умомъ и добродушіемъ; на устахъ играла улыбка, насмѣшливая когда онъ говорилъ о дурачествахъ, слабостяхъ и порокахъ людей,

но вообще выраженіе лица его было серьозное и строгое. Въ обращеніи былъ онъ до крайности скроменъ, убѣгалъ споровъ, никогда не возглашалъ своего мнѣнія исключительно, никогда не говорилъ о своей службѣ и подвигахъ. За то и уваженіе къ нему было искреннее и глубокое. Добросовѣстность въ исполненіи своихъ обязанностей, неутомимая дѣятельность, дивная неустрашимость среди опасностей, присутствіе духа при самыхъ ужасныхъ и непредвидѣнныхъ бѣдствіяхъ, твердость и терпѣніе въ перенесеніи страданій, быстрота въ соображеніи средствъ и рѣшительность въ исполненіи ихъ, и сверхъ всего этого строжайшая справедливость къ подчиненнымъ, честность и благородство души, самоотверженіе въ пользу ближняго, все это внушало искреннее къ нему почтеніе и безпредѣльную довѣренность. На военномъ судиѣ, одно слово его, одинъ взглядъ приводили всѣхъ въ движеніе. Ему повиновались безропотно и безпрекословно. Въ

бытность его флагъ-офицеромъ вице-адмирала Макарова, на 22-мъ году отъ рожденія, онъ уже пользовался особеннымъ уваженіемъ старыхъ заслуженныхъ капитановъ.

Приведемъ одинъ случай изъ его жизни, какъ наиболѣе характеризующій твердость духа его. Когда онъ съ товарищами плѣна своего, ушедши изъ японской тюрьмы, нѣсколько времени блуждалъ по лѣсамъ и добрямъ, питаясь травою; когда они видѣли предъ собою мучительную, голодную смерть, или гибель отъ руки непріятельской—возникъ между ними ропотъ, и одинъ изъ нихъ предложилъ убить Головнина, какъ единственнаго виновника ихъ несчастія, а потомъ сдаться Японцамъ. Головнинъ догодался объ ихъ замыслѣ, и когда они готовились привести его въ исполненіе, твердо сталъ предъ ними съ единственною своею защитою, ржавымъ гвоздемъ, и разкрывъ грудь свою, сказалъ спокойно: «Я вашъ капитанъ, а вы покушаетесь на мою жизнь. Мнѣ не совладать съ ва-

ми: убейте меня, если хотите согрѣшить предъ Богомъ и Государемъ.» Несчастные вмигъ опомнились и бросились къ его ногамъ, заливаясь слезами, съ восклицаніемъ: «Ваше Высокоблагородіе! Батюшка Василій Михайловичъ, виноваты! Прости насъ, умремъ съ тобою!»

И этотъ человѣкъ, твердый и строгій въ исполненіи своего долга, неустрашимый среди величайшихъ опасностей—былъ въ обыкновенной жизни кротокъ и скроменъ, вѣрный другъ, добрый мужъ, нѣжный отецъ; заслуженная имъ слава не изгладится въ лѣтописяхъ русскаго флота, а умилительное воспоминаніе о благихъ качествахъ его души и сердца будетъ жить въ признательной памяти его родныхъ и друзей.

КАЗАРСКІЙ (*).

Подвигъ Казарскаго, есть примѣръ удивительнаго мужества и безстрашія, которое прославило русскій флагъ въ послѣднюю турецкую войну, въ 1828 и 1829 годахъ. Имена *Меркурій* и *Казарскій* пронеслись отъ одного конца Россіи до другаго, и даже самые непріятели наши удивлялись неустрашимости и храбрости командира брига, его офицеровъ и вообще всѣхъ на немъ находившихся.

Александръ Ивановичъ Казарскій, по-

(*) Изъ Морскаго Сборника и Военно-энциклопедическаго лексикона.

ступилъ на службу въ черноморскій флотъ волонтеромъ, въ 1811 году; въ 1813 году былъ произведенъ въ гардемарины, въ 1814 г. въ мичмана т. е. въ офицеры, въ 1819 году въ лейтенанты. Съ 1815 года по 1820, онъ служилъ на дунайской флотиліи. Въ 1826 году былъ назначенъ командиромъ транспорта *Соперникъ*, которымъ командовалъ по 1828 г.; тогда открылась война съ Турціею и за храбрость оказанную при взятіи крѣпости Анапы, онъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты; въ томъ же году, при осадѣ крѣпости Варны, получилъ саблю за храбрость. Въ 1829 году сдѣланъ былъ командиромъ бригa *Меркурій*, и плавая на немъ, имѣлъ счастіе, поставить имя свое въ ряду русскихъ героевъ.

Мая 14 фрегатъ *Штандартъ* и бриги *Орфей* и *Меркурій* плавали около Константинопольскаго пролива. На разсвѣтѣ они увидѣли турецкій флотъ, въ числѣ осьмнадцати судовъ; онъ шелъ вдоль береговъ Анатоліи, направляясь къ за-

наду. Усмотрѣвъ наши суда, Турки немедленно устремились за ними. Фрегатъ и бригъ *Орфей* успѣли уйти къ Сизополю, гдѣ стоялъ нашъ флотъ; но *Меркурій*, который ходилъ по хуже, отставъ отъ нихъ, былъ догнанъ лучшими ходоками непріятельскаго флота: однимъ 110-ти пушечнымъ кораблемъ, подъ флагомъ капитана-паши, и однимъ 84-хъ пушечнымъ кораблемъ. Въ исходѣ втораго часа, они находились на полтора пушечныхъ выстрѣла отъ брига. Въ это время вѣтеръ стихъ и Казарскій, въ надеждѣ, что ему удастся уйти, обратился къ послѣднему средству—приказавъ выкинуть весла. Но и эта утѣшительная надежда продолжалась не долго: въ половинѣ третьяго часа вѣтръ опять засвѣжѣлъ, корабли начали приближаться и открыли огонь изъ носовыхъ пушекъ (онѣ называются *погонными пушками*). Видя, что ему не предстоитъ никакой возможности избѣжать неровнаго сраженія, Казарскій собралъ всѣхъ офицеровъ для военнаго совѣта.

Военный совѣтъ на судахъ собирается только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда капитанъ не рѣшается принять всю отвѣтственность на себя, по важности дѣла. Богу, Государю и Отечеству отвѣчаетъ онъ за жизнь всѣхъ людей, находящихся у него подъ командой, за цѣлость ввѣреннаго ему судна, а что всего важнѣе—за честь флага и имя русскаго воина.

Можно же себѣ теперь представить какія чувства волновали душу Казарскаго, когда онъ собралъ на совѣтъ офицеровъ. Въ подобныхъ случаяхъ, младшій подаетъ мнѣніе свое первымъ, потомъ слѣдующій за нимъ, и такъ далѣе, и наконецъ однако капитанъ рѣшаетъ судьбу ввѣреннаго ему судна и людей, такъ какъ главная отвѣтственность на немъ. И тутъ также, первымъ долженъ былъ говорить младшій изъ офицеровъ, корпуса флотскихъ штурмановъ поручикъ Прокофьевъ, который и подалъ мнѣніе, достойное русскаго моряка. Честь и слава ему! Онъ предложилъ биться до

послѣдней крайности, а когда не останется никакой надежды, зажечь порохъ и взорвать бригъ. Каково предложеніе? Кого оно не приведетъ въ восторгъ? Конечно офицеры и капитанъ брига *Меркурій* приняли съ восхищеніемъ мнѣніе Прокофьева и единодушно согласились: сражаться до послѣдней капли крови и наконецъ свалиться съ одним изъ двухъ непріятельскихъ кораблей и оставшемуся въ живыхъ зажечь крюйтъ камеру, нарочно для того, заряженнымъ пистолетомъ, который положенъ былъ на шпиль (39).

По предложенію капитана, матросы съ восторгомъ объявили, готовность драться, пока они будутъ въ силахъ.

Каково?...Эти люди отдѣленныя,только тонкою доскою отъ бездны морской, окруженныя превосходными непріятельскими силами, съ радостію готовы встрѣтить смерть съ тѣмъ только, чтобы оставить неприкосновеннымъ честь своего флага!

Успокоенный такими чувствами своей команды, капитанъ-лейтенантъ Ка-

зарскій, приказалъ убрать весла, отрубить шлюпку, висѣвшую за кормой и открыть огонь изъ отступныхъ орудій (40).

Вскорѣ за тѣмъ, 110-ти пушечный турецкій корабль подошелъ къ правой сторонѣ брига и хотѣлъ дать въ него залпъ, но бригъ удачнымъ маневромъ избѣжалъ столь пагубнаго дѣйствія.

Такимъ образомъ, около получаса, онъ терпѣлъ только отъ однѣхъ погонныхъ пушекъ; послѣ того попалъ между двумя кораблями—изъ нихъ каждымъ сдѣлано было по бригу два залпа; съ корабля капитана-паши закричали: «Сдавайся и убирай паруса!» Но на это, съ брига отвѣчали огнемъ всей артиллеріи и ружей, при громкомъ Ура! Оба корабля сдавшись за корму брига, продолжали до $4\frac{1}{2}$ часовъ непрерывную пальбу, такъ что на бригѣ сдѣлался даже пожаръ, но къ счастію онъ вскорѣ былъ потушенъ.

Бригъ упорно отпаливался, избѣгая, по возможности продольныхъ выстрѣловъ, которые могли всего болѣе нанести ему вреда; смѣло дѣйствуя по 110-ти

пушечному кораблю правымъ бортомъ или правой стороной, онъ даже нанесъ кораблю этому значительное поврежденіе и такъ устрашилъ турецкаго адмирала, что тотъ видя, что бригъ ни подъ какимъ видомъ не сдасться и скорѣе взлѣтитъ вмѣстѣ съ нимъ на воздухъ—оставилъ его въ покоѣ и легъ въ дрейфъ (41).

Другой корабль продолжалъ еще нѣсколько времени дѣйствовать подъ кормою брига и билъ его продольными выстрѣлами, которыхъ никакъ нельзя было избѣжать. Наконецъ и тотъ послѣдовалъ примѣру своего адмирала и въ $5\frac{1}{2}$ часовъ также отсталъ отъ брига.

И такъ 18-ти пушечный русскій бригъ, въ продолженіи трехъ часовъ, сражался съ двумя огромными турецкими кораблями, имѣющими около 200 орудій, состоявшими подъ личною командою главныхъ адмираловъ, и отъ этихъ превосходныхъ противниковъ ему удалось въ цѣлости уйти.

Уронъ брига состоялъ изъ четырехъ убитыхъ и шести раненыхъ нижнихъ

чиновъ; пробоинъ (42) ьъ самомъ суднѣ было 22, поврежденій въ вооруженіи 297, сверхъ того разбиты шлюпки и повреждено одно орудіе.

Въ донесеніи своемъ капитанъ-лейтенантъ Казарскій говоритъ, что онъ не находитъ словъ для описанія храбрости, самоотверженія и точности въ исполненіи обязанностей, какія были оказаны всѣми вообще офицерами и нижними чинами въ продолженіи этого трехъ часоваго сраженія, не представлявшаго совершенно никакой надежды на спасеніе, и что только такому достойному удивленія духу экипажа и милости Божіей, должно приписать спасеніе флага и судна Его Императорскаго Величества.

Въ воздаяніе блистательнаго подвига брига *Меркурій*, вышедшаго побѣдителемъ изъ безпримѣрнаго боя, выдержаннаго имъ противу двухъ линейныхъ турецкихъ кораблей, Государь Императоръ Всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ: командира брига, капитанъ-лейтенанта Казарскаго, въ капитаны

2-го ранга, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, и сверхъ того кавалеромъ ордена Св. Георгія 4-го класса. Лейтенантовъ Скарятина и Новосильскаго, мичмана Притупова и корпуса флотскихъ штурмановъ поручика Прокофьева слѣдующими чинами, и первыхъ трехъ орденами Св. Владиміра 4-го класса съ бантомъ, а Прокофьева, какъ предложившаго мужественный совѣтъ взорвать бригъ на воздухъ, Св. Георгія 4-го класса. Всѣмъ нижнимъ чинамъ брига знаки отличія военнаго ордена; и всѣмъ вообще, какъ офицерамъ такъ и нижнимъ чинамъ, въ пожизненный пенсіонъ двойное жалованье по окладу, какой они получали до настоящаго производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Величество соизволилъ отличить и самый бригъ, пожалованіемъ оному Георгіевскаго флага; а дабы увѣковѣчить въ родѣ сихъ офицеровъ память примѣрной ихъ храбрости и мужественной рѣшимости на очевидную погибель, Государь

Императоръ соизволилъ повелѣть, чтобы пистолетъ, какъ оружіе, избранное ими для взорванія брига на воздухъ, при невозможности продолжать оборону, былъ внесенъ въ гербы ихъ.

Въ 28-й день іюля 1829 года, состоялся, на имя морскаго министра, Высочайшій именной указъ, представляющій новое доказательство вниманія Государя Императора къ твердости духа и самопожертвованію Казарскаго и его храбрыхъ сподвижниковъ. Содержаніе этого указа слѣдующее:

«32-го флотскаго экипажа 18-ти пушечному бригу *Меркурій*, за славные «подвиги съ двумя непріятельскими кораблями, Всемилостивѣйше даровавъ «флагъ съ знаменіемъ Св. великомученика и побѣдоносца Георгія. Мы желаемъ, дабы память безпримѣрнаго дѣла его сохранилась до позднѣйшихъ «временъ. Въ слѣдствіе чего повелѣваемъ «вамъ распорядиться, когда бригъ сей «будетъ приходить въ неспособность продолжать болѣе служеніе въ морѣ, по-

«строить по одному съ нимъ чертежу «и въ совершенномъ съ нимъ сходствѣ «во всемъ, другое таковое же судно, «наименовавъ оное бригъ *Меркурій*, при- «писавъ къ тому же экипажу, на кото- «рое перенести и Всемилостивѣйше по- «жалованный Георгіевскій флагъ съ вым- «пеломъ; когда же и сіе судно станетъ «приходить въ вѣтхость, замѣнить его «другимъ новымъ, по тому же чертежу «построеннымъ, продолжая сіе такимъ «образомъ до временъ позднѣйшихъ. Мы «желаемъ, дабы память знаменитыхъ за- «слугъ команды брига *Меркурій* и его «имя во флотѣ никогда не изчезали, и, «переходя изъ рода въ родъ, на вѣчныя «времена служили примѣромъ потомству.»

Изъ всего этого видно, что точно за Богомъ молитва и за Царемъ служба, не пропадаютъ! И храбрые защитники брига *Меркурій* на самомъ дѣлѣ узнали какъ Русскій Царь награждаетъ своихъ достойныхъ подданныхъ. Вскорѣ послѣ сраженія, гдѣ Казарскій получилъ контузію въ лѣвую часть головы, онъ

сдѣланъ былъ командиромъ фрегата *Поспѣшный*, а потомъ корабля *Тенедосъ*, съ которыми былъ опять у Константинопольскаго пролива и участвовалъ во взятіи Мессемвріи.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1831 года, флигель-адъютантъ Казарскій уволенъ отъ командованія кораблемъ и съ того времени состоялъ при особѣ Его Императорскаго Величества, выполняя разныя Высочайшія порученія, за которыя, въ томъ же 1831 году, пожалованъ въ капитаны 1-го ранга.

Но судьба не долго хранила этого вѣрнаго сына отечества. Александръ Ивановичъ Казарскій скончался 16-го іюня 1833 года, 36-ти лѣтъ, въ Николаевѣ, гдѣ и погребенъ, а памятникъ ему поставленъ въ Севастополѣ, на мысѣ, при входѣ въ этотъ портъ. Память его конечно останется на вѣки въ сердцахъ всѣхъ моряковъ, на которыхъ доблесть его подвига въ 1829 году, отразилась неизгладимо.

Не считаю излишнимъ приложить здѣсь отрывокъ изъ письма, написанна-

го турецкимъ штурманомъ, въ которомъ онъ говоритъ объ этомъ подвигѣ.

«Бiюлиманъ, 27-го мая 1829 года. Во вторникъ, съ разсвѣтомъ, приближаясь къ Босфору, мы примѣтили три русскихъ судна: фрегатъ и два брига; мы погнались за ними, но только догнать могли одинъ бригъ, въ три часа по полудни. Корабль капитанъ-паши и нашъ открыли тогда сильный огонь. Дѣло неслыханное и невѣроятное. Мы немогли заставить его сдаться; онъ дрался, отступая и маневрируя со всѣмъ искуствомъ опытнаго военнаго капитана, до того, что, стыдно сказать, мы прекратили сраженiе, и онъ со славою продолжалъ свой путь. Бригъ сей долженъ потерять, безъ сомнѣнiя половину своей команды, потому что одинъ разъ онъ былъ отъ нашего корабля на пистолетный выстрѣлъ, и онъ, конечно еще бы болѣе былъ поврежденъ еслибъ капитанъ-паша не прекратилъ огня часомъ ранѣе насъ, и сигналомъ не приказалъ бы намъ тоже сдѣлать.

«Въ продолженіе сраженія мы поняли, что капитанъ сего брига никогда не сдастся, и если онъ потеряетъ всю надежду, то тогда взорветъ бригъ свой на воздухъ. Ежели въ великихъ дѣяніяхъ древнихъ и нашихъ временъ находятся подвиги храбрости, то сей поступокъ долженъ всѣ оные помрачить, и имя сего героя достойно быть начертано золотыми литерами на храмѣ славы: онъ называется капитанъ-лейтенантъ *Казарскій*, а бригъ *Меркурій*. Съ 20-ю пушками, не болѣе, онъ дрался противъ 220-ти, въ виду непріятельскаго флота, бывшаго у него на вѣтрѣ (43).»

Достаточно прочитать это письмо, чтобы вполнѣ оцѣнить подвигъ, которому даже самые непріятели наши удивлялись, восхищаясь безпримѣрнымъ безстрашіемъ Казарскаго и его сподвижниковъ.

ПАХТУСОВЪ и ЦИВОЛЬКА (*).

Далеко, на сѣверѣ, лежитъ городъ Архангельскъ, расположенный на берегу сѣверной Двины, впадающей въ Бѣлое море, которое есть не что иное какъ большой заливъ сѣвернаго Ледовитаго океана. При выходѣ изъ этого моря къ сѣверо-востоку лежитъ островъ Колгуевъ, а за нимъ большой островъ *Новая Земля*, который проливомъ *Маточкинъ шаръ*, раздѣленъ на два острова.

(*) Извлечено изъ Записокъ Гидрографическаго департамента; біографія Цивольки доставлена однимъ изъ его друзей.

Въ продолженіи девяти мѣсяцовъ къ этому острову нѣтъ приступу, съ сентября до конца мая, а иногда до половины іюня мѣсяца, онъ окруженъ сплошною массою льда; кромѣ того въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ непрерывная ночь объемлетъ эту землю, потому что солнце совсѣмъ не показывается изъ за горизонта; послѣ того оно является на нѣсколько минутъ, потомъ на полъ часа, на часъ и наконецъ болѣе мѣсяца совсѣмъ не заходитъ, короче сказать тамъ зимою ночь, а лѣтомъ день. Тамъ не увидишъ, ни цвѣтка, ни деревца, но есть кой какая травка, дикій лукъ, да тощіе кустики, недостойные назваться даже деревцомъ. И не ужели тамъ живутъ люди? Нѣтъ.... А живутъ бѣлые медвѣди, моржи, тюлени и т. п.

Создатель нашъ, Который въ мірѣ нашемъ устроилъ все такъ премудро, поставилъ этотъ пустынный островъ, также не безъ цѣли, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ приноситъ не малую пользу не только людямъ, но и милліонамъ

животныхъ, обрѣтающихся въ тѣхъ странахъ.

Все прибрежье Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, населено смѣлыми мореходами, которые на утлыхъ лодьяхъ, пускаются въ безпредѣльное море, на промыслы рыбы и морскихъ звѣрей, изъ послѣднихъ добывается жиръ, шкуры и кости. Все прибрежье живетъ и питается этими промыслами.

Рыбаки, отправляясь на сѣверъ, подвергаются многимъ опасностямъ, и потому имъ необходимо имѣть убѣжище или притонъ, на случай если ранніе льды ихъ застигнутъ, и они не будутъ въ состояніи во время возвратиться домой; или когда желая пользоваться ранею весною, они съ намѣреніемъ зимуютъ; этотъ притонъ представляетъ имъ Новая Земля, гдѣ они проводятъ зиму; а сверхъ того самые берега этого острова изобилуютъ рыбами и животными, нужными для промышленниковъ.

Для того, чтобы плавать безопасно по морю, необходимо имѣть подробную

карту его береговъ. Благодаря трудамъ и самопожертвованію морскихъ офицеровъ нашихъ: Розмыслова, Поспѣлова, Лазарева, Литке (*), Пахтусова и Цивольки, у насъ есть карта этого острова, кромѣ сѣверо-восточной его части, которая еще не описана; карта эта достаточно обезпечиваетъ плаваніе безстрашныхъ промышленниковъ нашихъ, что много способствовало къ улучшенію быта жителей, береговъ сѣверной Россіи.

Сакенъ, Невельской, Сухотинъ и Казарскій, о которыхъ было уже говорено—герои. Они храбро бились съ непріятелемъ, жертвовали жизнію, для любимаго отечества и для чести русскаго оружія, и имена ихъ останутся славными на вѣки. Пахтусовъ и Циволька, точно также пожертвовали своею жизнію—

(*) Капитанъ-лейтенантъ (нынѣ вице-адмиралъ и генералъ-адъютантъ) Ѳедоръ Петровичъ Литке, ходившій четыре лѣта сряду къ острову Новой Землѣ, издалъ замѣчательное описаніе своихъ плаваній, подъ заглавіемъ: «Четырекратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ, въ 1821-1824 годахъ.»

они лишились ея также для пользы отечества и для пользы науки, они такіе же герои, и имена ихъ не должны быть забыты Русскими никогда! Они пали, не на полѣ брани, не съ оружіемъ въ рукахъ,—но далеко отъ всего имъ милаго, на пустынномъ островѣ, окруженные льдомъ и снѣгомъ, отъ трудовъ и лишеній, претерпѣнныхъ ими на необитаемомъ островѣ, посреди Ледовитаго океана.

Пахтусовъ началъ, Циволька продолжалъ начатое имъ, Моисѣевъ кончилъ; онъ одинъ уцѣлѣлъ, отъ этихъ сѣверныхъ экспедицій. Флота лейтенантъ Кротовъ, который отправился въ одно время съ Пахтусовымъ, безъ вѣсти погибъ, вмѣстѣ съ людьми и съ судномъ своимъ. Пахтусовъ въ послѣдствіи, нашелъ на берегахъ Новой Земли обломки шкуны *Енисей*, которой командовалъ Кротовъ. Вотъ все, что могли открыть объ участи этихъ несчатныхъ моряковъ.

Новая Земля открыта русскими промышленниками, вѣроятно еще въ началѣ XVI столѣтія, но въ географическомъ

отношеніи впервые осмотрена Голландцами и Англичанами, искавшими въ XVI и XVII столѣтіяхъ сѣверо-восточнаго пути въ Индію. Эти мореплаватели доставили Европѣ первыя извѣстія о сѣверномъ берегѣ Россіи и Новой Землѣ; описанія ихъ и разсказы нашихъ промышленниковъ, были до позднѣйшаго времени единственными источниками нашихъ свѣдѣній о берегахъ этого обширнаго острова. Въ исходѣ XVII столѣтія прекратились поиски сѣверо-восточнаго пути, и съ этого времени, въ теченіи цѣлаго столѣтія, образованные мореходцы не посѣщали Новую Землю.

Уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, нѣсколько моряковъ, и въ томъ числѣ знаменитый мореплаватель нашъ Ѳедоръ Петровичъ Литке, посѣщали островъ Новую Землю и составили карты большой части западнаго его берега, но до восточнаго берега никто не доходилъ.

Мысль описать восточный берегъ, давно уже была въ головѣ Пахтусова, онъ подалъ проэктъ, который и былъ принятъ.

1832 года 1-го августа, Пахтусовъ на небольшомъ, одно-мачтовомъ суднѣ, называемомъ ботъ *Новая Земля*, отправился въ свою первую сѣверную экспедицію; съ нимъ были: кондукторъ корпуса флотскихъ штурмановъ Крапивинъ, и восемь человѣкъ матросъ. Провизіи имѣли они на 14 мѣсяцевъ. На случай зимовки отправленъ былъ на островъ Новую Землю крестьянинъ Гвоздаревъ, на лодкѣ со срубомъ избы; но онъ туда не прибылъ, и бѣдные мореплаватели остались безъ хорошаго жилья; вмѣстѣ съ Пахтусовымъ вышелъ въ море и лейтенантъ Кротовъ, объ участи котораго уже сказано было выше.

10-го августа, Пахтусовъ усмотрѣлъ берегъ Новой Земли; до 24-го августа онъ плылъ вдоль восточнаго берега острова, производя опись при весьма дурной, пасмурной и холодной погодѣ; въ это время онъ уже былъ между густымъ льдомъ. 1-го сентября, Пахтусовъ остановился на зимовку въ губѣ Каменкѣ, возлѣ берега которой, нашелъ старую

развалившуюся избу, выстроенную вѣроятно, зимовавшими тутъ прежде промышленниками. Изба была до того вѣтха, что представляла весьма дурное и тѣсное убѣжище, но что же дѣлать, за неимѣніемъ лучшаго, надобно было довольствоваться тѣмъ, что нашли; собирая по берегу лѣсъ, выброшенный моремъ, кое-какъ поправили избу и забили всѣ щели мхомъ, который растетъ въ изобиліи на Новой Землѣ. Все это было сопряжено съ большими трудами и опасностями, такъ-какъ надобно было ходить за 7 и за 8 верстъ, чтобы собирать выкидной лѣсъ и дрова для топленія, да въ добавокъ въ весьма дурную погоду. Не смотря на то, люди Пахтусова были веселы и бодры. 12-го сентября стужа уже доходила до $15\frac{1}{2}$ градусовъ Реомюра и въ этотъ день губа Каменка покрылась льдомъ. Около двѣнадцати часовъ, того же дня, они увидали стадо оленей, состоящее не менѣе какъ изъ 500 головъ. Стрѣлки тотчасъ отправились и убили трехъ оленей; вку-

сное ихъ мясо было весьма полезно бѣдным нашимъ морякамъ. Надобно сказать, что на морѣ, и особенно въ сѣверных климатахъ свирѣпствуетъ ужасная цынготная болѣзнь, она очень опасна, мучительна и часто смертельна. У больнаго пухнутъ ноги и десны, открываются раны, человѣкъ слабѣетъ, слабѣетъ и наконецъ умираетъ. Лучшее лекарство отъ этой ужасной болѣзни, движеніе и свѣжая пища; а гдѣ ее достать на Новой Землѣ? И такъ понятно, что эти три оленя были подаркомъ Провидѣнія нашимъ мореплавателямъ, и подаркомъ безцѣнным. 13-го сентября въ первый разъ увидѣли медвѣдя, но онъ, дойдя до избы, поворотилъ и ушелъ назадъ. Бѣлый медвѣдь, звѣрь весьма опасный, онъ чрезвычайно лютъ, и съ нимъ довольно трудно справиться. Къ 19-му сентября кончили избу, выстроили баню, вытащили судно на отмель и все изъ него выгрузили.

Изба была поставлена на окладныхъ бревнахъ старой промышленничьей из-

бы, найденной ими 25 августа. Изъ нихъ могли быть употреблены въ дѣло только три ряда или вѣнца; остальные должны были пополниться изъ собраннаго выкиднаго лѣса. Окладные бревна старой избы занимали пространство квадрата на 13-ти футахъ. Вышина выведенныхъ стѣнъ была $5\frac{1}{2}$ футъ; крыша, настланная привезенными на богу изъ Архангельска досками, служила также потолкомъ; вышина избы на срединѣ была 7 футъ. На крышу накидали песокъ и негодныя къ постройкѣ остатки бревенъ и изба была прокопачена мхомъ. Около боковыхъ стѣнъ, сдѣланы нары изъ тѣхъ же досокъ на $1\frac{1}{2}$ фута отъ земли; досокъ на полъ недостало. Въ сѣверо-западномъ углу избы поставлена была печка изъ привезенныхъ кирпичей; въ $2\frac{1}{2}$ или 3-хъ саженяхъ къ сѣверу, отъ дверей избы они построили баню, также изъ стараго набраннаго лѣса. Эти два строенія соединили небольшими сѣнями или корридоромъ, шириною въ 4 фута. Западная сторона сѣней ос-

талась старая, а восточную составили изъ бочекъ съ провизіею. На крышу сѣней или корридора употребили весла, негодныя доски и паруса. Въ сѣняхъ хранили они теплую одежду, чтобы въ избѣ она не сырѣла отъ тепла, провизію, оружіе, небольшой очагъ для варки пищи, и все нужное для ежедневнаго употребленія. Постройка избы продолжалась 11 дней. Устроенное такимъ образомъ жилище, конечно не представляло большихъ удобствъ, но за неимѣніемъ лучшаго, они были и тѣмъ довольны. Однакожъ, они очень жалѣли, что изба, отправленная на лодьѣ съ Гвоздаревымъ, не попала къ нимъ въ руки (*).

Поселившись въ избѣ, Пахтусовъ распредѣлилъ всю команду на очереди, по два человѣка въ каждую. Часовые обязаны были осматривать судно и внѣшнюю сторону сѣней, а ночью наблюдать

(*) Гвоздаревъ, по причинѣ противныхъ вѣтровъ и дурной погоды, не попалъ къ мѣсту назначенія.

за огнемъ и скляпками (песочные часы). Пахтусовъ очередовался съ помощникомъ для веденія метеорологическаго журнала. Дѣятельная жизнь могла одна предохранить ихъ отъ цынги, которой должны они были бояться, по тѣснотѣ и сырости своего жилища.

На третій день послѣ переборки ихъ въ избу, изъ моха въ щеляхъ стѣнъ, мѣстами, показалась трава; недѣли черезъ двѣ нѣкоторые стебли ея были длиною до 8-ми дюймовъ. Во все время пребыванія Пахтусова на Новой Землѣ, онъ не видалъ зелени, да и въ послѣдствіи не случалось видѣть такой большой и свѣжей. Однако онъ не радовался превращенію избы въ оранжерею, и, по возможности, очищалъ стѣны отъ этого украшенія.

Не смотря на плохое устройство избы и сырыя дрова, было въ ней тепло, даже при морозахъ свыше 30-тиградусовъ, но за то очень сыро. Прохаживаться въ избѣ не было возможности по тѣснотѣ; люди ходили въ баню каждую недѣлю; бѣлье мѣняли два раза въ недѣлю. Спать

дозволялось имъ только ночью, не болѣе восьми часовъ; гулять выходили такъ часто, какъ позволяла погода. Сидя въ избѣ, каждый занимался своею работою: одинъ чинилъ платье, другой снаряжалъ оружіе для промысла звѣрей, остальные разговаривали про былое и пѣли пѣсни. По воскресеньямъ читали общую молитву; пища была для всѣхъ одна и та же. Пахтусовъ старался удерживать товарищей своихъ отъ неумѣренности, потому что при отягощенномъ желудкѣ неодолимо клонитъ сонъ. Утромъ около 5-ти часовъ пили чай или сбитень; въ 7 или въ 8 часовъ немного завтракали; въ 12 обѣдали, вечеромъ пили чай только тогда, когда днемъ много ходили, а чаще вмѣсто чаю около 6-ти часовъ ужинали. Водку давали только послѣ трудныхъ работъ, или въ ненастные дни послѣ прогулки. Такъ проводили они жизнь въ этомъ отдаленномъ мѣстѣ и имъ предстояла ужасная и продолжительная зима.

Чтобы придать занимательность ежедневнымъ прогулкамъ, Пахтусовъ при-

казалъ поставить по берегу моря, на двѣ версты въ обѣ стороны отъ избы, нѣсколько *кулёмъ* (ловушки) для промысла песцовъ. Эта охота служила всѣмъ развлеченіемъ, три или четыре дня въ недѣлю. Построеніе и насторожіе *кулёмъ*, не стоитъ никакой издержки и не требуетъ искуства; онѣ ставятся изъ выкиднаго лѣса, и даже изъ сыраго и гнилаго, негоднаго для дровъ; для приманки или наживки, кладутъ въ каждую *кулёму* ворвашнаго сала или свинаго жиру. Когда звѣрь тронетъ приманку, его придавитъ доскою и задержитъ въ *кулёму* до прибытія охотниковъ. Въ продолженіи октября и ноября погода стояла, то очень холодная, то теплая, такъ что губа Каменка очищалась два раза отъ льда, во второй разъ на 18 дней, т. е. отъ 15-го ноября по 4-е декабря; 23-го ноября случились съ ними два приключенія.

Послѣ полудня, двое людей, ходившіе на ботъ, для осмотра, при выходѣ изъ него увидѣли бѣлаго медвѣдя, не далѣе

какъ въ 4-хъ саженяхъ. Оружія никакаго при нихъ не было. Чтобы отогнать медвѣдя и дать знать объ угрожавшей имъ опасности находившимся въ избѣ промышленникамъ, закричали они, какъ могли громче; медвѣдь, посмотрѣвъ на нихъ пристально, пошелъ въ гору. Тотчасъ, взявъ ружья, отправились вслѣдъ за звѣремъ; онъ весьма часто садился и смотрѣлъ на преслѣдовавшихъ его непріятелей, а по приближеніи ихъ къ нему на ружейный выстрѣлъ, уходилъ впередъ, и потомъ опять садился и смотрѣлъ. Застрѣльщики вынуждены были дать по немъ выстрѣлъ, не доходя до настоящаго разстоянія. Лишь только увидѣлъ онъ огонь на полкѣ, какъ въ тоже мгновеніе бросился бѣжать и скрылся изъ виду. Спустя часъ по возвращеніи въ избу, гдѣ еще продолжался разговоръ объ этомъ звѣрѣ, одинъ изъ служителей вышелъ въ сѣни, и, отворяя наружныя двери, увидѣлъ другаго бѣлаго медвѣдя, который ѣлъ ворванное сало изъ стоявшей подлѣ сѣней бочки; человѣкъ

отъ испуга закричалъ, а медвѣдь, поворотясь, бросился къ сѣнямъ. Охотники выскочили, и лишь только отворили двери, медвѣдь вдругъ кинулся на стрѣлковъ, и едва не схватилъ одного изъ нихъ за руку; другой застрѣльщикъ, хотя и выстрѣлилъ, но въ торопяхъ далъ промахъ. Послѣ этого, медвѣдь опрометью бросился чрезъ глубокій сугетъ снѣга, перескочилъ поленницу дровъ и стремительно скатился подъ гору въ губу Каменку.

5-го ноября солнце скрылось для нихъ на долго и началась продолжительная ночь; только 9-го января 1833 года, т. е. чрезъ 65 дней, они опять увидѣли солнце. Во время этихъ 65-ти дней, заря продолжалась ежедневно $2\frac{1}{2}$ часа, луна и свѣтъ сѣвернаго сіянія, помогали бѣднымъ затворникамъ видѣть.

12-го января, избу опять посѣтилъ бѣлый медвѣдь, онъ чуть-чуть не взлѣзъ на крышу сѣней, и если бы онъ это сдѣлалъ, то непременно бы провалился

и дѣло, пожалуй, не обошлось бы безъ хлопотъ.

Къ 24-му іюня судно было изготовлено, и того же числа, Пахтусовъ на лодкѣ отправился для продолженія описи, поручивъ судно кондуктору Крашенинну.

Въ продолженіи всей зимы, Пахтусовъ велъ метеорологическій журналъ, т. е. замѣчалъ состояніе погоды, температуру воздуха, всѣ воздушныя явленія, толщину льда, и т. п. Кромѣ встрѣчь съ медвѣдями, замѣчательнаго ничего не случилось. Одного убили и взяли какимъ образомъ: 12-го марта къ вечеру, сидя въ избѣ, услышали за стѣною хрусть снѣга, и взглянувъ въ окно, увидѣли у угла избы бѣлаго медвѣдя, который вскорѣ подошелъ къ окну и глядѣлъ въ комнату минутъ пять. Тотчасъ охотники вышли въ сѣни, и ранили медвѣдя позади переднихъ лопатокъ. Онъ бросился бѣжать и попалъ на веревку, на которой сушили бѣлье. Тонкая веревка оборвалась и раненый звѣрь побѣжалъ къ губѣ Каменкѣ, но,

удалясь сажень на 30, изнемогъ и упалъ. Тогда сдѣланъ другой выстрѣлъ по головѣ медвѣдя, и рогатина докончила его. Изъ всѣхъ видѣнныхъ медвѣдей, только еще первый достался имъ въ добычу.

Въ началѣ весны, Пахтусовъ ходилъ дѣлать береговую опись два раза, претерпѣвая всѣ возможныя лишенія, проводилъ ночи на снѣгу и, во время страшной бури, сопровождаемой большимъ морозомъ, чуть не погибъ вмѣстѣ съ своими сопутниками, отъ холоду, изнеможенія и жажды.

Не считая нужнымъ слишкомъ распространяться объ этомъ, я только хотѣлъ изобразить, хотя кратко, что значитъ провести зиму на островѣ Новая Земля.

Во время зимовки двое служителей умерли, отъ цынготной болѣзни, а третій скончался уже на возвратномъ пути.

Кромѣ трехъ убитыхъ оленей и медвѣдя, они стрѣляли гусей и другаго рода птицъ; ловили песцовъ и нерпъ; другой свѣжей пищи они не имѣли.

Іюля 6-го Пахтусовъ соединился съ Крапивинымъ, и пошелъ къ сѣверу, продолжая начатую имъ опись до 17-го августа; тогда наступившій холодъ не допустилъ его подняться сѣвернѣе Маточкина Шара, и онъ пошелъ обратно въ Архангельскъ. 26-го августа, вытерпѣвъ весьма сильную бурю, ботъ сталъ на якорь у острова Колгуева.

Противный вѣтеръ, принудилъ Пахтусова идти къ Тиманскому берегу и войти въ устьѣ рѣки Печоры; входя въ рѣку, ботъ сталъ на мѣль, но къ счастію удалось его снять, потому что при бывшемъ тогда свѣжемъ вѣтрѣ легко могло бы разбить судно въ щепы. Плаваніе Пахтусова кончилось неудачно; онъ принужденъ былъ выбросить судно свое на берегъ, что бы спасти людей, инструменты, журналы и карты, а то могло бы случится то, что всѣ его труды пропали бы даромъ. Къ счастію всѣ спаслись и часть вещей.

Здѣсь, по прошествіи 13-ти мѣсяцевъ, Пахтусовъ и его сопутники въ первый

разъ увидѣли людей, не принадлежавшихъ къ экспедиціи. По позднему времени, нельзя было и думать о продолженіи пути въ Архангельскъ моремъ, а потому боты разружили и отдали подъ присмотръ одного изъ мезенскихъ мѣщанъ, тамъ проживающаго.

1-го октября, сдавъ команду Крапивину и предписавъ ему, съ возстановленіемъ зимняго пути, отправиться также въ Архангельскъ, переѣхалъ Пахтусовъ чрезъ Печору въ самоѣдскій чумъ (жилье), гдѣ онъ взялъ оленей и отправился по тундрѣ, далѣе, на слѣдующія самоѣдскія кочевья. Это путешествіе было чрезвычайно медленно. Иногда по нѣсколько дней онъ принужденъ былъ жить съ Самоѣдами, пока они пріискивали своихъ оленей; часто, пріѣхавъ на мѣсто, гдѣ предполагали найти чумы, не находили ихъ и блуждали по тундрѣ, отыскивая кочующихъ Самоѣдовъ, не занявшихъ еще обычныхъ зимнихъ мѣстъ. Такимъ образомъ, не ранѣе 14-го нояб-

ря, прибылъ Пахтусовъ въ Мезень, а 21-го числа въ Архангельскъ.

Не смотря на трудности первой экспедиціи, Пахтусовъ пошелъ вторично на Новую Землю въ 1834 году.

Экспедиція отправилась на двухъ судахъ, одно подъ командою подпоручика Пахтусова, другое подъ командою кондуктора Цивольки, и съ ними было 14 человѣкъ матросъ и одинъ фельдшеръ. Оба судна были названы въ память, отправившихся въ одно время съ Пахтусовымъ и погибшихъ въ 1832 году, лейтенанта Кротова и поручика Казакова.

Суда вышли 24-го іюля изъ Архангельска, а 9-го августа пришли на видъ острова Новой Земли. Пахтусовъ, тотчасъ приступилъ къ описи, но погода много ему препятствовала. 30-го августа суда вошли въ Маточкинъ Шаръ. Пахтусовъ хотѣлъ продолжать опись, но раніе льды ему помѣшали, и онъ принужденъ былъ остаться и приготовить зимовье. Какъ и въ прошлую экспе-

дицію они выстроили избу и баню; но помѣщеніе было больше и лучше нежели въ первый разъ. 1-го ноября они простились съ солнцемъ до 20-го января 1835 года, когда они опять увидѣли изъ за горъ лучи отраднаго свѣтила. Весною занимались описью берега и охотою.

Іюня 30-го, по очисткѣ льда, Пахтусовъ вышелъ въ море къ западу, для продолженія работъ, съ намѣреніемъ податься какъ можно далѣе на сѣверъ. Но тутъ случилась неудача, карбасъ (44) *Казаковъ*, на которомъ онъ отправился, попалъ во льды и былъ затертъ, но люди и нужнѣйшія вещи были спасены на лодьяхъ, случившихся тутъ промышленниковъ. Вмѣстѣ съ ними Пахтусовъ возвратился въ Маточкинъ Шаръ, куда прибыли 9-го августа. Циволька остался для изготовленія шкуны *Кротовъ* въ море, а Пахтусовъ на другомъ карбасѣ, выстроенномъ имъ зимою, съ пятью матросами, отправился опять производить опись. Но льды и дурная погода, не позволили ему далеко отойти, и онъ

принуждень былъ возвратиться къ мѣсту зимовья. Наконецъ, 7-го сентября, Пахтусовъ пустился въ обратный путь; 7-го октября благополучно прибылъ въ Архангельскъ, потерявъ въ продолженіи второй экспедиціи только двухъ человѣкъ.

По прибытіи въ Архангельскъ, Пахтусовъ сталъ приводить дѣла экспедиціи въ порядокъ, для отданія полнаго отчета о своихъ дѣйствіяхъ. Непомѣрные труды, перенесенные имъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, въ продолженіи двухъ экспедицій разстроили крѣпкое здоровье его, и онъ захворалъ. Будучи до того времени чрезвычайно спокойнаго и терпѣливаго нрава, тутъ сдѣлался до крайности раздражителенъ; это еще болѣе развило въ немъ простудную лихорадку, которою страдалъ онъ послѣ крушенія карбаса; у него сдѣлалась горячка, и 7-го ноября онъ скончался.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ его жизни и службѣ.

Петръ Козмичъ Пахтусовъ, родился

въ 1800 году въ Кронштатѣ. Отецъ его былъ оставной шхиперъ 13-го класса, родомъ изъ Сольвычегодска, Вологодской губерніи; тамъ съ родителями провелъ Пахтусовъ свое младенчество. На восьмомъ году возраста лишился онъ отца; его мать переѣхала тогда жить въ Архангельскъ, и онъ отданъ былъ въ военно-сиротское отдѣленіе, нынѣшній баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Тутъ началъ онъ учиться отлично-прилежно, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ быстрыхъ способностей. Бѣдность матери поставляла его въ необходимость собирать въ адмиралтействѣ щепу; онъ часто отдавалъ ее писарямъ, получая отъ нихъ на обмѣнъ бумагу и прочее, въ чемъ нуждался для ученія. Кромѣ прилежанія, по лѣтамъ своимъ, былъ чрезвычайно смѣлъ и смѣлъ; имѣя собственную лодку, ѣзжалъ верстъ за 50 отъ Архангельска на взморье, одинъ, ловитъ рыбу и стрѣлятъ птицъ; это рано пріучило его къ морю и вообще къ трудамъ и дѣятельности. Онъ сдѣлался славнымъ стрѣл-

комъ и пловцомъ; такъ-то учитъ нужда!

Между тѣмъ, ученье его шло такъ успѣшно, что онъ обратилъ на себя вниманіе начальства, и въ 1816 году былъ переведенъ въ штурманское училище въ Кронштатъ. Переѣздъ туда океаномъ, онъ сдѣлалъ на военномъ кораблѣ. Это было первое его морское путешествіе; въ послѣдствіи онъ плавалъ ежегодно. Скажемъ о замѣчательныхъ его плаваніяхъ.

Въ 1818 году, возвращаясь изъ Испаніи на купеческомъ транспортѣ *Кармин*ъ, подъ командою капитанъ-лейтенанта Богданова, претерпѣли они крушеніе у мыса Скагена (на сѣверной оконечности Ютландіи). При этомъ несчастіи погибъ со славою достойный ихъ начальникъ, не хотѣвшій оставить корабля своего иначе, какъ послѣднимъ; съ нимъ утонули офицеръ и нѣсколько матросъ. Спасшіеся, въ томъ числѣ и Пахтусовъ, перевезены были въ Копенгагенъ, гдѣ провели зиму, и лѣтомъ 1819 года воз-

вратились благополучно въ Кронштатъ. Этотъ случай, въ самомъ началѣ морской службы Пахтусова, познакомилъ его съ ея опасностями и трудностями, и можно сказать, закалилъ сердце его противъ ударовъ двухъ стихій: воды и воздуха, съ которыми въ послѣдствіи онъ такъ неутомимо боролся.

Въ 1820 году, Пахтусовъ былъ выпущенъ изъ училища, штурманскимъ помощникомъ унтеръ-офицерскаго чина, и въ тоже лѣто послалъ изъ Кронштата въ Архангельскъ моремъ. Съ этого времени, началась дѣйствительная его служба, въ настоящемъ значеніи этого слова; онъ до конца жизни своей, почти постоянно участвовалъ въ разныхъ ученыхъ и трудныхъ экспедиціяхъ на сѣверѣ.

Въ 1821, 1822 и 1824 годахъ былъ помощникомъ штурмана 12-го класса Иванова, при описи рѣки Печоры и берега Ледовитаго океана, къ востоку отъ нея до острова Вайгача.

Въ эту экспедицію, Пахтусовъ коротко познакомился съ природою того края

и съ безстрашнымъ характеромъ и предпріимчивостію его жителей. Это породило въ немъ мысль и охоту проникнуть на неприступный дотолѣ восточный берегъ острова Новой Земли, и описать его; мысль, въ которой онъ утвердился еще болѣе, во второе пребываніе свое на сѣверѣ въ 1826 году. Тогда, находясь подъ командою штурмана Бережныхъ, они описали берегъ Ледовитаго океана, къ западу отъ Печоры до Бѣлаго моря, и островъ Колгуевъ.

Съ 1827 года, Пахтусовъ, переименованный въ кондукторы корпуса флотскихъ штурмановъ, занимался подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта М. Ф. Рейнеке, описью и промѣромъ Бѣлаго моря, участвуя въ этой экспедиціи во все время ея дѣйствій, кромѣ послѣдняго 1832 года, когда уже онъ получилъ, какъ мы видѣли, другое, болѣе важное назначеніе.

Въ 1828 году, произведенъ онъ былъ въ прапорщики, а въ 1831 году въ подпоручики. Но чины не удовлетворяли

его желаніямъ. Онъ думалъ только о своемъ предпріятіи, и, къ счастію, познакомился, въ 1829 году, съ ученымъ лѣсничимъ г. Клоковымъ, который предполагая открыть плаваніе Ледовитымъ моремъ къ рѣкѣ Енисею, для торговли съ сибирскими губерніями, считалъ необходимымъ описать и Новую Землю, какъ станцію на этомъ пути, особенно восточный ея берегъ. Планъ этотъ не удалось имъ выполнить прежде 1832 года. Тогда г. Клоковъ склонилъ коммерціи совѣтника Брандта съ сыномъ, отправить, на общемъ иждивеніи, экспедицію къ рѣкѣ Енисею и на Новую Землю. Правительство, утвердивъ проэктъ ихъ, даровало имъ на свободные промыслы морскихъ звѣрей въ Ледовитомъ морѣ, 25-ти лѣтнюю привиллегію.

Экспедиція состоялась. Лейтенантъ Кротовъ принялъ на себя открытіе пути въ Енисей, а Пахтусову поручена опись восточнаго берега Новой Земли. Можно представить себѣ его восторгъ, его пламенное стремленіе выполнить дав-

но обѣщанное самому себѣ и другимъ.

Путешествіе Пахтусова на Новую Землю въ 1832 и 1833 годахъ, описано уже выше; и хотя оно совершено имъ отъ частной компаніи, но за труды и успѣхи въ немъ, Пахтусовъ награжденъ былъ орденомъ Св. Анны 3-й степени, и въ 1834 году, ему поручено продолженіе прежней описи уже отъ правительства. Для этого дали ему два судна: шхунеръ и карбасъ.

Въ 1835 году, Пахтусовъ благополучно прибылъ въ Архангельскъ 7-го октября, послѣ путешествія продолжавшагося $14\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ. Его здоровье, разстроенное уже трудами, понесенными въ печорской, бѣломорской и новоземельской экспедиціяхъ, совершенно его оставило. Послѣ двухъ-недѣльныхъ страданій, скончался онъ 7-го ноября 1835 года, ровно черезъ мѣсяцъ по возвращеніи изъ путешествія. Въ послѣдніе дни предсмертной болѣзни Пахтусова, часто навѣщалъ его архангельскій воен-

ный губернаторъ, адмиралъ Романъ Романовичъ Галлъ. Такое вниманіе столь почтенной и заслуженной особы, есть лучшее доказательство уваженія, пріобрѣтеннаго Пахтусовымъ, и отеческаго попеченія достойнаго начальника о своихъ подчиненныхъ.

И такъ Петръ Козмичъ Пахтусовъ жилъ только 35 лѣтъ, а служилъ 15 лѣтъ: не много времени, но много дѣлъ! Дѣла его не громки, не видны, потому что далеки отъ насъ, но они истинно полезны жителямъ Бѣлаго моря, которые, по слѣдамъ Пахтусова, гораздо смѣлѣе прежняго пускаются для промысловъ на Новую Землю. Довольно будетъ сказать, что лѣтомъ 1831 года тамъ было только одно промышленничье судно, а въ 1855 году 118 судовъ! Вотъ гдѣ прямая польза трудовъ Пахтусова. Отъ нихъ выиграла также географія и, отчасти, нѣкоторыя естественныя науки.

Съ такими бѣдными средствами, какія имѣлъ Пахтусовъ, въ первое путешествіе на Новую Землю, едва-ли бы взял-

ся за исполненіе этого дѣла самъ Россъ, столько привыкшій къ трудамъ полярныхъ путешествій.

Кромѣ дѣятельности и трудолюбія, какъ главныхъ отличительныхъ качествъ Пахтусова, онъ былъ рѣшителенъ, смѣлъ и иногда горячъ, но всегда соединялъ это съ благоразумiемъ. По настойчивости же и твердой рѣшимости характера, его безъ всякаго увеличенія, можно сравнить съ Кукомъ. Но кругъ дѣйствія этого мореплавателя былъ Земной Шаръ, а главная дѣятельность и извѣстность Пахтусова ограничиваются Новою Землею. Тамъ поставилъ онъ себѣ вѣчный памятникъ. Правительство не оставило заслугъ Пахтусова безъ наградъ: онъ менѣе восьми лѣтъ былъ въ офицерскомъ чинѣ, по семейству его назначенъ полный пенсіонъ.

Въ заключеніе скажемъ, что Пахтусовъ вообще былъ человѣкъ необыкновенной доброты и всѣми любимый; съ молода отличался веселостію и даже любезностію въ своемъ кругу, но въ по-

слѣднее время сдѣлался задумчивъ и скученъ. И, что особенно странно, при его умѣ, онъ слѣпо вѣрилъ снамъ. Но кто-же безъ слабостей или странностей?

Въ 1837 году Прапорщикъ Циволька отправился вторично на Новую Землю, вмѣстѣ съ извѣстнымъ академикомъ Беромъ. Экспедиція эта была снаряжена, по представленію Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ, для ботаническихъ и зоологическихъ изслѣдованій, на Новой Землѣ и въ русской Лапландіи. Цивольку, между тѣмъ, поручено было продолжать начатое Пахтусовымъ. Они вышли изъ Архангельска 19-го іюня, а возвратились 11-го сентября.

Академикъ Беръ въ заключеніе своего донесенія Академіи Наукъ, говоритъ:

«Сравнивая совершенную нами экспедицію съ предшествующими, должно почесть ее вообще счастливою. Не смотря на многія препятствія, которыя, впро-

чемъ на сѣверѣ почти неизбѣжны, мы достигли главной цѣли.

«Чтобы представить себѣ опасности береговъ Новой Земли, не нужно упоминать ни о замерзаніи Голландцевъ, ни о разбитіи Вуда; достаточно разсмотрѣть путешествія, совершенные прежде насъ офицерами русскаго флота на Новую Землю. До нашей экспедиціи, флотскими офицерами были предприняты на эту землю десять экспедицій (*). Изъ нихъ шесть имѣли или значительныя поврежденія въ своихъ судахъ, или потерю въ командѣ: 1.) Хотя Розмысловъ и достигнулъ своего намѣренія, но принужденъ былъ покинуть судно, получившее течь, и себя считалъ счастливымъ, что на об-

---

(*) Эти экспедиціи слѣдующія: 1.) Штурманъ порутческаго ранга Розмысловъ 1768 и 1769 годовъ. 2.) Штурманъ 9-го класса Поспѣловъ 1807 года. 3.) Лейтенантъ Лазаревъ 1819 года. 4.) Капитанъ-лейтенантъ Литке 1821, 1822, 1823, 1824 годовъ. 5.) Лейтенантъ Кротовъ 1832 года. 6.) Подпоручикъ Пахтусовъ 1832—1833 и 1834—1835 годовъ.

ратный путь былъ принятъ на промышленничью лодью. 2.) Лазаревъ вынужденъ былъ рано воротиться, потому что вся команда получила цынготную болѣзнь. 3.) Литке, въ третьемъ путешествіи счастливо избѣгъ кораблекрушенія, но судно его потерпѣло значительныя поврежденія, такъ, что онъ вынужденъ былъ оставить предпринятое намѣреніе. 4.) Кротовъ погибъ совершенно безъ всякаго извѣстія. 5.) Пахтусовъ разбился при окончаніи перваго путешествія, близъ рѣки Печоры. 6.) Онъ же потерялъ во второмъ путешествіи судно во льду, и погибъ бы со всею командою, безъ помощи промышленника, случайно ему встрѣтившагося. Но изъ тѣхъ четырехъ экспедицій, въ которыхъ суда не имѣли значительнаго поврежденія, нѣкоторые изъ нихъ такъ много встрѣчали препятствій, что могли достигнуть только частію той цѣли, для которой были посланы. Литке въ первомъ своемъ путешествіи, ежедневно, въ продолженіи четырехъ недѣль, боролся со льдомъ и

только 9-го августа увидѣлъ берегъ. Въ четвертомъ путешествіи встрѣчалъ онъ не болѣе благопріятныя обстоятельства. Только второе путешествіе его счастливѣе всѣхъ: тогда онъ обошелъ западный берегъ Новой Земли, почти во всю длину и опредѣлилъ географическое положеніе главныхъ пунктовъ. Мы, конечно, много обязаны Провидѣнію, но также благодарны познаніямъ и трудамъ морскаго офицера, посланнаго съ нами. Наша экспедиція, одиннадцатая къ Новой Землѣ, не только возвратилась съ обоими судами и съ совершенно здоровою командою, но и достигла главнѣйшей цѣли своей.

«Мы должны себя считать весьма счастливыми, что на Новой Землѣ могли остаться шесть недѣль. И погода во все это время была довольно хороша. Хотя мы въ Маточкиномъ Шарѣ не имѣли часа сряду яснаго неба, однако все таки не рѣдко имѣли весьма хорошіе дни и прекрасныя ночи. Дождь и туманъ были, по мнѣнію всѣхъ про-

мышленниковъ, рѣже обыкновеннаго; погода, которую мы имѣли въ Костиномъ Шарѣ, можно даже назвать сухою. Отъ бури, вытерпѣнной нами въ морѣ, пострадала только кухонная посуда.

«Въ безопаснѣйшей же гавани міра, въ рѣкѣ Нехватовой, провели мы настоящую арктическую бурю, чтобы чувствовать почтеніе къ сѣверу. Точно такъ же сидѣли мы въ продолженіи пяти минутъ съ лодьею на мели, для того, чтобы знать, что здѣсь тоже можетъ случиться кораблекрушеніе.»

Наконецъ въ 1838 году Циволька отправился въ третью экспедицію, но онъ не кончилъ ея и умеръ на островѣ Новая Земля, 16-го марта 1839 года, отъ грудной водяной болѣзни, въ слѣдствіе всѣхъ лишеній и трудностей, имъ испытанныхъ. По смерти его, начальство надъ экспедиціей принялъ прапорщикъ Моисѣевъ, онъ благополучно вернулся въ Архангельскъ. Во время зимовки, кромѣ пра-

порщика Цивольки, умерло восемь человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Августъ Карловичъ Циволька происходилъ отъ небогатыхъ родителей, проживавшихъ въ Царствѣ Польскомъ.

Будучи еще ребенкомъ, онъ, играя на рѣкѣ, поймалъ несшуюся по ней изломанную лодочку, вытащилъ ее на берегъ, и чрезъ нѣсколько дней, съ величайшею трудностію, самъ починилъ ее и спустилъ на воду, не смотря на то, что ему было только 12 лѣтъ. Пригласивъ къ себѣ двухъ товарищей, онъ вооружилъ вмѣстѣ съ ними свою лодку ботикомъ, и съ тѣхъ поръ катанье въ ней было для него почти единственнымъ удовольствіемъ. Онъ обучался въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, и родители предназначали его, вмѣстѣ съ другими дѣтьми, въ театральную варшавскую труппу; но онъ такъ пристрастился къ своей лодкѣ, такъ усердно знакомился изъ книгъ съ морскимъ дѣломъ, что рѣшительно отказался отъ предназначеннаго для него поприща, и во чтобы то

ни стало хотѣлъ сдѣлаться морякомъ. Первая морская книга, которая попалась ему въ руки, было сочиненіе Ромма. Изучая по ней теорію морскаго искусства, сколько дозволяли ему начальныя знанія и свойственныя возрасту понятія, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ страстнымъ увлеченіемъ читалъ описаніе морскихъ сраженій и путешествій. Такъ прошло лѣтъ пять; родители Августа Карловича, уже взрослаго юноши, уступая наконецъ глубоко укоренившейся въ немъ страсти, употребили всѣ свои усилія, чтобы доставить сыну своему возможность усовершенствоваться основательно въ морскомъ искуствѣ и вступить въ морскую службу. Имъ удалось наконецъ опредѣлить его, имѣвшаго уже болѣе 20-ти лѣтъ отъ роду, въ первый штурманскій полуэкипажъ кадетомъ. Быстрыя способности и необыкновенное прилежаніе скоро обратили на него вниманіе корпуснаго начальства. Менѣе чѣмъ въ полъ года, онъ усвоилъ русскій языкъ, и черезъ три года, окончивъ курсъ, выдержалъ

блистательный экзаменъ и поступилъ на дѣйствительную службу кондукторомъ, въ корпусъ штурмановъ. Совершивъ кадетомъ и кондукторомъ нѣсколько кампаній на военныхъ судахъ, онъ вполнѣ ознакомился съ морскою службою; но ему, какъ моряку-самородку, тѣсно было обыкновенное служебное поприще, и потому онъ сталъ искать случая отправиться куда либо подальше; искалъ трудовъ и дѣятельности, которыя могли бы удовлетворить его предпріимчивому характеру и разнообразно и основательно образованному уму. Случай къ этому скоро представился. Назначенный для описи береговъ Новой Земли, поручикъ корпуса штурмановъ, Пахтусовъ, искалъ себѣ помощника. Циволька, провѣдавъ объ этомъ, не медля обратился къ начальству, съ просьбою о назначеніи его на эту вакансію. Начальство, основываясь на весьма одобрительныхъ рекомендаціяхъ, охотно уважило его просьбу. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1834 года, онъ отправился въ Архан-

гельскъ; тамъ, получивъ подъ команду одно изъ двухъ небольшихъ судовъ, назначенныхъ въ экспедицію, весною приступилъ къ его вооруженію. Онъ сдѣлалъ много дѣльныхъ приспособленій въ вооруженіи и въ размѣщеніи груза; особенно заботился о запасѣ провизіи и другихъ предметахъ, необходимыхъ для работъ и развлеченій команды. Знаніе дѣла, попеченіе о здоровьѣ и удобствѣ подчиненныхъ, вскорѣ доставили ему любовь и общую довѣренность. По возвращеніи съ Новой Земли, Августъ Карловичъ былъ произведенъ въ прапорщики. Но, за смертію Пахтусова, экспедиція была на время пріостановлена, и въ 1836 году Циволька находился въ экспедиціи при описи финляндскихъ шхеръ, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта М. Ф. Рейнеке, подъ руководствомъ котораго, онъ дѣятельно занимался астрономическими наблюденіями, съемкою и промѣромъ. Въ слѣдующемъ 1837 году, былъ назначенъ самъ начальникомъ экспеди-

ціи на Новую Землю, куда и отправился вмѣстѣ съ академикомъ Беромъ. Въ 1838 году въ третій разъ пошелъ къ Новой Землѣ, но уже не возвращался.

Однажды, во время зимовки, въ довольно-темный вечеръ, Циволька вышелъ изъ избы, и не успѣвъ отойти отъ нея нѣсколько шаговъ, какъ подвергся нечаянному нападенію бѣлаго медвѣдя, отъ котораго едва успѣлъ спастись. Испугъ этотъ сильно на него подѣйствовалъ; чрезъ нѣсколько дней, онъ почуствовалъ лихорадку и пересталъ выходить изъ избы для прогулокъ. Душный и сырой воздухъ имѣли большое вліяніе на развитіе его болѣзни. Онъ слегъ въ постель, и мало по малу въ немъ оказались признаки цынги, которые обратились въ грудную водяную и были причиною его смерти. Августъ Карловичъ Циволька, скончался 16-го марта 1839 года; по прочтеніи нѣкоторыхъ молитвъ, его похоронили не далеко отъ избы, въ сугробѣ снѣга. Весною, тѣло его было переложено въ могилу, вырытую въ

землѣ, и надъ нею поставленъ простой деревянный крестъ съ приличною надписью. Смертъ Цивольки, глубоко поразила всю команду, и слезы искренняго сожалѣнія обильно оросили одинокую могилу любимаго ею начальника.— Миръ праху его!

Послѣдующія затѣмъ дѣйствія экспедиціи извѣстны изъ дневника прапорщика Моисѣева, принявшаго надъ нею начальство по смерти Цивольки.

Августъ Карловичъ, въ обхожденіи былъ необыкновенно простъ, со всѣми ласковъ, добръ и снисходителенъ. Во всѣхъ трудахъ подавалъ собою примѣръ, былъ смѣлъ и рѣшителенъ; онъ обладалъ хорошею памятью, свѣтлымъ умомъ и быстрымъ соображеніемъ; зналъ языки польскій (природный), русскій, нѣмецкій, французскій и англійскій. Много читалъ, и въ бесѣдѣ съ друзьями былъ самымъ занимательнымъ собесѣдникомъ. Разсказы свои онъ любилъ украшать анекдотами съ неподдѣльнымъ юморомъ, что дѣлало ихъ въ высшей степени ин-

тресными. Характеръ его былъ вообще, оригиналенъ: смѣсь серьезнаго и важнаго, съ юморомъ и дѣтскою простотою. Не есть ли это, нѣкоторымъ образомъ, общая черта характеровъ тѣхъ людей, которые имѣютъ отъ природы способности, ставящіе ихъ при случаѣ выше многихъ?

Августъ Карловичъ Циволька, отмѣжевавъ себѣ случайно отдѣльный уголокъ для самостоятельнаго дѣйствія, и не имѣя въ виду ничего болѣе важнаго, называлъ Новую Землю—*земнымъ раемъ*. Жаль что онъ такъ рано оставилъ на всегда друзей своихъ, которые и до сихъ поръ вспоминаютъ о немъ съ искреннимъ сожалѣніемъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ МОРСКИХЪ СЛОВЪ.

1.) *Шнява*, старинное судно, нынѣ вовсе вышедшее изъ употребленія.

2.) *Фрегатъ*, трехъ мачтовое судно, имѣющее отъ 36 до 60 орудій, поставленныхъ въ два яруса или двѣ батареи, изъ которыхъ верхняя открытая, а нижняя закрыта.

3.) *Лоцботъ*, есть лоцманское судно; но лоцботъ *Битюгъ* былъ вооруженъ артиллеріею.

4.) *Эскадра*, нѣсколько судовъ, находящихся подъ непосредственнымъ управленіемъ одного начальника.

5.) *Крейсерство*, плаваніе судна въ опредѣленномъ мѣстѣ, съ извѣстною цѣлью.

6.) *Линейный корабль*, трехъ мачтовое судно, имѣющее отъ 74-хъ до 120-ти и болѣе орудій, и употребляемое въ сраженіяхъ флота въ линіи. Орудія на корабляхъ ставятся въ 3 или 4 яруса, верхній изъ нихъ всегда открытый; затѣмъ корабли, имѣющіе двѣ закрытыя батареи называются *двухъ-дечными*, а имѣющіе три закрытыя батареи—*трехъ-дечными*.

7.) *Парусные и гребные суда*; парусным судномъ называется то, которое ходитъ подъ парусами; гребное же судно можетъ идти и подъ парусами и подъ веслами; къ первому классу принадлежатъ всѣ большія суда, ко второму малыя суда, шлюпки и проч.

8.) *Фалконетъ*, особаго рода малое артиллерійское орудіе, стоящее вмѣсто станка на желѣзномъ вертлюгѣ, употребляется на малыхъ судахъ и на шлюпкахъ.

9.) *Бушпритъ*, наклонная мачта, ны-

ставляющаяся впередъ въ носовой части судна.

10.) *Крюйтъ камора*, мѣсто на суднѣ, гдѣ хранится порохъ.

11.) *Абордировать*, сцѣпиться съ другимъ судномъ и, перескочивъ на него, атаковать экипажъ. При этомъ употребляютъ ручное оружіе или вступаютъ даже въ рукопашный бой.

12.) *Репетичное судно*, фрегатъ или иное судно для повторенія и передачи сигналовъ съ адмиральскаго корабля; когда суда флота идутъ одно за другимъ въ линіи баталіи, тогда репетичное судно ставится внѣ линіи, такъ чтобы всѣ могли его хорошо видѣть.

13.) *Карронада*, особаго рода орудіе, короче пушки.

14.) *Погонныя орудія*, пушки, находящіяся въ самой носовой части судна.

15.) *Залпъ*, выстрѣлъ изъ всѣхъ орудій на суднѣ вдругъ. Такіе залпы рѣдки, но чаще съ одной только стороны, или съ одного борта.

16.) *Бортъ*, стѣна судна.

17.) *Команда*, всѣ чины, находящіеся на суднѣ. Также экипажъ судна.

18.) *Флагъ, гюйсъ и вымпелъ*; *флагъ* подымается въ кормовой части судна; *гюйсъ*, также флагъ, но подымается на бушпритѣ (см. № 9); *вымпелъ*, весьма узкій и длинный флагъ подымается на верхней оконечности мачты.

19.) *Гемакъ*, особый родъ старинныхъ судовъ — плоскодонный фрегатъ, имѣющій весла, нынѣ вышедшій совсѣмъ изъ употребленія.

20.) *Каюта*, комната для жилья на суднѣ.

21.) *Кортикъ*, родъ кинжала.

22.) *Флагъ-офицеръ*, состоитъ при начальникѣ флота какъ адъютантъ; главная его обязанность—наблюденіе за сигналами и въ передачѣ сигналами же приказаній адмирала другимъ судамъ.

23.) *Десантъ*, войска, помѣщаемые на флотъ и употребляемые для высадокъ и береговыхъ военныхъ дѣйствій.

24.) *Абордажъ*, рукопашный бой между двумя судами.—*Взять на абордажъ*, свалиться съ судномъ, абордировать его и овладѣть имъ.

25.) *Шлюпъ*, трехмачтовое судно съ закрытою батареею, имѣющее отъ 16 до 28 орудій.

26.) *Станція*, мѣсто, гдѣ военное судно или суда, имѣютъ постоянное пребываніе или плаваніе, для наблюденія за ходомъ дѣлъ, для защиты торговли и проч.

27.) *Лавировать*; когда надобно дойти до какого нибудь мѣста при противномъ вѣтрѣ, тогда судно располагаетъ паруса такъ, чтобы идти, по возможности, ближе къ линіи вѣтра. Дойдя до извѣстной точки, оно поворачиваетъ, принимая вѣтеръ съ другой стороны; такимъ образомъ продолжаетъ дѣйствовать, пока не придетъ къ желаемому мѣсту. Подобнаго рода плаваніе называется *лавировкой*.

28.) *Штормовые стаксели*, малые

треугольные паруса, поднимаемые только въ штормъ, т. е. въ самый крѣпкій вѣтеръ, на *бушпритѣ* (см. № 9) и между мачтами.

29.) *Шпрингъ*, толстая веревка, привязанная однимъ концемъ къ якорному канату и взятая другимъ въ кормовой портъ, для удобнаго заворачиванія судна когда оно на якорѣ, чтобы оборотить бортъ этого судна въ желаемую сторону.

30.) *Рупоръ*, труба, которая употребляется для переговоровъ на морѣ и также для того, чтобы слышнѣе были командованія офицера.

31.) *Марсы и реи. Марсомъ* называется площадка находящаяся у верхней оконечности нижней мачты; *рея*, есть дерево, висящее поперегъ мачтъ, къ которому привязывается парусъ.

32.) *Фокъ*, нижній большой парусъ передней мачты. *Гротъ*, нижній большой парусъ средней мачты.

33.) *Марсели*, есть второй рядъ па-

русовъ снизу отъ палубы. Они привязываются къ *марса-реямъ* и носятъ названія по своимъ мачтамъ, а именно: средній — *гротъ-марсель*, передній — *форъ-марсель* и задній — *крюйсель*.

34.) *Брамъ-стеньга*. *Мачты* ставятся на дно судна и суть самые нижніе деревья; продолженіемъ ихъ къ верху служатъ *стеньги*; выше стенегъ идущія деревья называются *брамъ-стеньгами* и наконецъ надъ ними *бомъ-брамъ-стеньги*. Выше сихъ послѣднихъ бываютъ иногда *трюмъ-стеньги*.

35.) *Брамъ-рея*, третье съ низу поперечное дерево на каждой мачтѣ, къ которому привязывается парусъ, называемый *брамсель*.

36.) *Лисель спирты*, деревья, положенныя на нижнія и вторыя съ низу реи; (см. № 31) они выдвигаются въ бокъ, и къ нимъ привѣшиваются паруса, называемые *лиселями*; эти паруса носятъ только въ попутный вѣтеръ.

37.) *Опись*, есть дѣйствіе для опредѣле-

нія положенія береговъ и нанесенія очерка ихъ на бумагу, для составленія морскихъ картъ.

38.) *Корсаръ* или *Привatиръ*, есть судно, которое дѣйствуетъ противъ непріятеля съ разрѣшенія своего правительства; такое судно принадлежитъ обыкновенно частнымъ людямъ, называемымъ *арматорами*.

39.) *Шпиль*, стоячій воротъ, служащій для подъема якоря изъ воды.

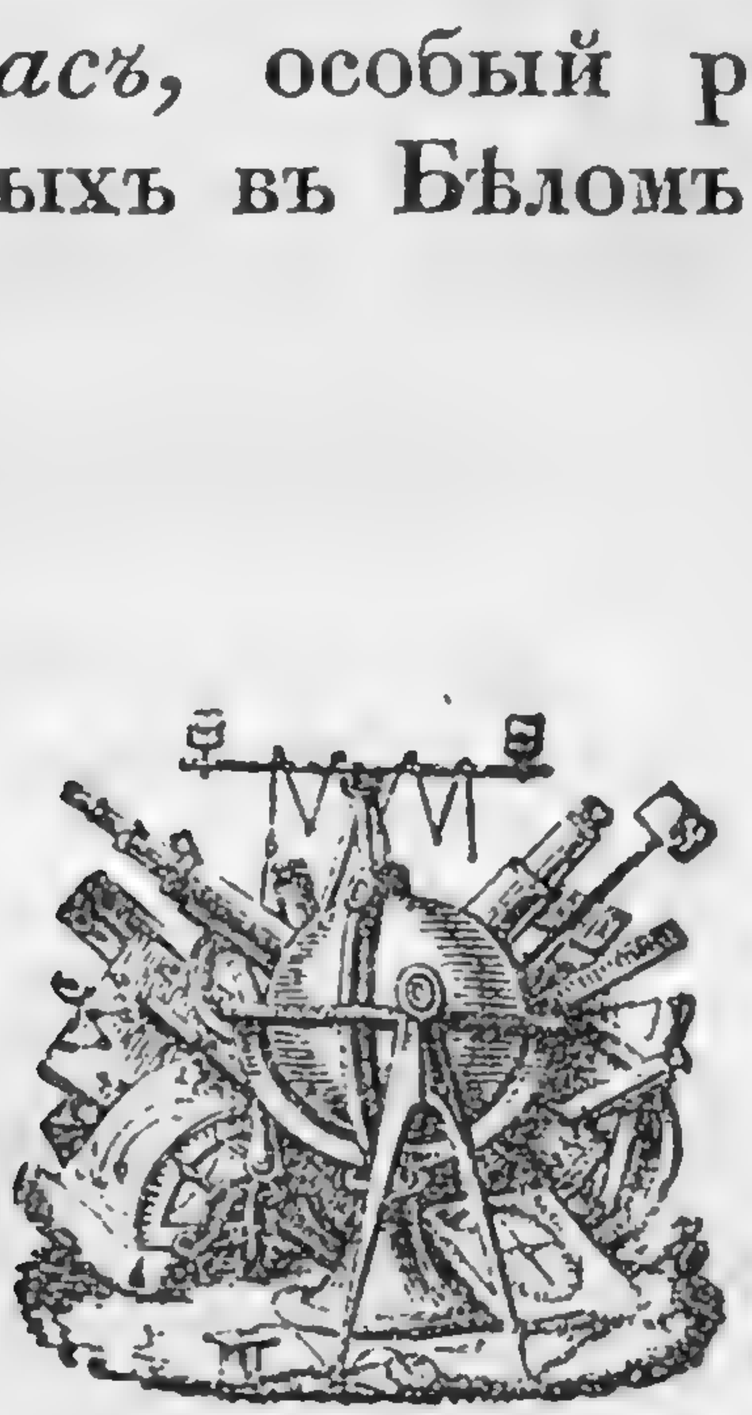
40.) *Отступныя орудія*, пушки, находящіяся въ самой кормѣ судна. Ихъ зовутъ также *ретирадными*.

41.) *Дрейфъ*. Когда судно идетъ придерживаясь близко къ вѣтру, то дѣйствіе вѣтра разлагается на двѣ силы: одна движущая судно впередъ, другая въ подвѣтренную сторону; движеніе судна, производимое послѣднею силою, называется *дрейфомъ*.

42.) *Пробоина*, дира пробитая въ стѣнѣ судна снарядомъ; бываетъ подводная и надводная.

43.) *На вѣтрѣ.* Если стать лицемъ къ вѣтру, то всѣ предметы, которые находятся впереди, будутъ *на вѣтрѣ*; тѣ же, которые позади—*подъ вѣтромъ.*

44.) *Карбасъ,* особый родъ судовъ, употребляемыхъ въ Бѣломъ морѣ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Нѣсколько словъ объ основаніи русскаго флота. 1
Бомбардирскій капитанъ Петръ. 8
Сакенъ 14
Белли 24
Невельской 39
Сухотинъ 50
Головнинъ. 57
Казарскій 98
Пахтусовъ и Циволька. 112
Объясненіе морскихъ словъ. 155